

*Владимир
Сергеев*

КРОВЬ

*документальный
роман*

НА МАНТИИ

Владимир Сергеев

**Кровь на мантии.
Документальный роман**

«У Никитских ворот»

2017

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.4

Сергеев В. К.

Кровь на мантии. Документальный роман / В. К. Сергеев — «У Никитских ворот», 2017

ISBN 978-5-00095-401-0

Владимир Кириллович Сергеев – писатель, журналист и ученый, кандидат исторических наук, доктор социологических наук, действительный член Российской Академии социальных наук и Академии литературы; окончил факультет журналистики МГУ им. М.Ю. Ломоносова, прошел путь от корреспондента до главного редактора, от старшего научного сотрудника до директора института, автор более трехсот научных работ, двух поэтических сборников и трех романов; лауреат премии РАН им. М.М. Ковалевского и международной литературной премии «Литературный Олимп». Остросюжетный документальный роман «Кровь на мантии» повествует о судьбах людей и самой России времени правления последнего российского императора Николая II, о дворцовых перипетиях и трагических событиях конца XIX – начала XX веков, приведших к падению монархии и гибели Великой Российской Империи.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.4

ISBN 978-5-00095-401-0

© Сергеев В. К., 2017
© У Никитских ворот, 2017

Содержание

Предисловие автора	6
Роковая охота	7
Кунсткамера	10
Приятные хлопоты	11
В Москву, разгонять тоску!	14
Кровь на мантии	17
Гуляй, рванина!	21
Пляски на гробах	25
Черная женщина	32
Месть самураев	37
Чистая суббота	40
Преданный Порт-Артур	45
Шли проведать мы царя...	52
Портсмутский позор	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Владимир Сергеев
Кровь на мантии. Документальный роман

© Сергеев В.К., 2017

© ИПО «У Никитских ворот», 2017

* * *

Предисловие автора

В основе романа лежат реальные исторические факты, кажущиеся невероятными, события и неожиданные повороты судеб героев не такого уж далекого прошлого, подтвержденные документами, научными исследованиями, письменными свидетельствами, мемуарами и дневниками участников и свидетелей тех событий – первых лиц государства Российского, самого императора Николая II и императрицы Александры Федоровны.

Автор погружает читателя в сложную и бурную эпоху рубежа XIX и XX веков, времени безжалостных войн, кровопролитных бунтов и революций, безвластия и маразма верхов, трагических событий, в результате которых страна потеряла десятки миллионов жизней, приведших к падению Великой Российской Империи и к рождению на ее руинах Великой Советской Империи.

Это мысленное путешествие в прошлое, знакомство с судьбами людей, живущих в том времени, возможно, позволит пытливому читателю по-новому взглянуть и на настоящее, на события, произошедшие и происходящие в России в наше время и при нашем участии, на современную действительность и на себя в ней. Ведь прошлое не уходит безвозвратно, оно продолжает жить нашей жизнью здесь и сейчас и в одночасье, оставляя нас, вместе с нашими детьми устремляясь в будущее...

Роковая охота

*Не в свои сани не садись.
Русская пословица*

Мало кто задумывается над тем, как много в большой, мировой истории зависит от случайных, на первый взгляд, да и на самом деле, совершенно незначительных событий, в то время как они, эти случайности или микроскопические в масштабе, скажем, одной человеческой жизни события способны самым роковым образом влиять не только на судьбы людей-букашек или даже самых великих людей, а и на судьбы целых государств и даже, страшно подумать, целых цивилизаций...

Вот за каким лешим, спрашивается, сырой промозглой осенью 1894 года понесло императора российского Александра III на охоту в Беловежскую пуцу? Что ему не сиделось дома, в родном и уютном Царскосельском дворце или в Гатчине? Ведь как отговаривала своего Сашку умудренная опытом и знающая все болячки венценосного супруга лучше собственных его заботливая женушка Мария Федоровна!

– Ну куда тебя несет в этакую прескверную погоду! Совсем ты себя не жалеешь! Забыл, чем обернулась твоя последняя охота? А я тебе напомним: после нее, проклятой, ты два месяца провалялся в постели, застудив себе все, что только можно. Врачи еле выходили. А уж как я-то переволновалась!.. Но тебе, видно, все равно, тебе ни себя, ни меня не жаль. Опять не сидится на месте.

Так вот, что хочешь со мной делай – ругайся, ори, можешь даже меня поколотить или в монастырь сослать – ты же император! – а на этот раз я тебя никуда не отпущу. Потому как мне нужен супруг живой и здоровый...

Но ведь не послушался упрямец Саша своей любящей, заботливой и мудрой супруги, улизнул-таки на охоту. И что же из этого вышло? – А ничего хорошего.

Конечно, в дебрях Беловежья, в белорусских сырых чащобах, мотаясь в погоне за зверьем по топям да болотам, император промок до последней нитки и продрог до самых костей. И как ни лечили его егеря традиционным русским сорокаградусным снадобьем, не помогло. Домой, в Питер, он вернулся совсем хворым. Сразу слег. Его бил озноб, зашкаливала температура, временами он даже терял сознание и бредил.

– Эх, Санечка, Санечка, дурья твоя башка, что же ты с собой сделал! – плакала у его постели верная жена.

Засуетились доморощенные и срочно выписанные из-за границы медицинские светила. Они в один голос советовали срочно отправлять своего пациента на лечение в Германию или, на худой конец, во Францию. Однако болезнь стремительно прогрессировала, императору становилось все хуже, и к тому времени, когда к поездке наконец все было готово, стало ясно, что император не перенесет столь дальнего пути.

– А ну как не доедет, преставится в дороге – кто будет отвечать?! – шептались светила. – Нет уж, пусть остается здесь, в России, – и будь что будет.

Поэтому вместо заграницы всей всполошившейся семьей и всем консилиумом отправились в Ливадию, в надежде, что здешний целебный морской воздух и усердные старания врачей все же поставят императора на ноги.

Однако ни ливадийский климат, ни усердная суэта глубокомысленных эскулапов не помогли. Императору становилось все хуже и хуже. Он угасал прямо на глазах, почти ничего не ел, сильно исхудал, цвет лица стал землистым. Ни днем, ни ночью не прекращались боли, и он лишился сна. Не помогали никакие снадобья. Отказали почки, все его тело ужасно опухло,

и он уже не мог самостоятельно передвигаться. Всем вокруг и ему самому теперь было абсолютно ясно – конец уже близок.

Почувяв близящуюся тризну, из Германии, из своего гессенского захолустья, прискалила будущая невестка императрицы Алиса Гессен Дармштадтская, в которую угораздило по уши влюбиться ее с Александром отпрыска – Ники.

– И что он нашел в этой гессенской замарашке! – дружно дивилась вся романовская семья.

Но сколько ни отговаривали его, сколько ни увещевали – все впустую. Уперся молодой цесаревич, словно баран на новые ворота.

– Хочу Алису, и все тут!

Вот и приперлась она в Ливадию в самый неудобный, самый трагический момент.

Расталкивая врачей и челядь, она пробирается к постели умирающего. Пытливо заглядывает в глаза, стараясь разглядеть, долго ли еще ждать, когда наконец отдаст Богу душу император, а значит, того заветного часа, когда ее обожатель Ники сам займет его место на троне, а сыграв с ним свадьбу, и она, нищая германская провинциалка, станет императрицей российской. Да разве ж могла она себе такое представить еще совсем недавно, тогда, когда в сиротском девичестве ей приходилось довольствоваться лишь овсяной кашей по утрам да донашивать платья приютившей ее английской королевы Виктории, изнывая от тоски и одиночества на острове Уайт.

Здесь, в России, она пока еще никто, но, как и положено бедной сиротке, Аликс действует напористо, сразу, с места в карьер, начинает плести интриги, поучать своего, как она уже успела понять, незадачливого женишка, настраивает его против матушки и прочей родни.

«Дорогой мальчик! – не зная ни слова по-русски, пишет она ему в дневнике по-английски. – Люблю тебя так нежно и глубоко! – Но сразу же за лаконичным объяснением в любви следуют холодные, расчетливые наставления. Причем без тени уважения к умирающему императору. – Будь стойким и прикажи доктору Лейдену и другому Г. приходить к тебе ежедневно и сообщать, в каком состоянии они его находят, а также все подробности относительно того, что они находят нужным для него сделать. Таким образом, ты обо всем всегда будешь знать первым. Ты тогда сможешь помочь убедить его делать то, что нужно. И если доктору что-либо нужно, пусть приходит прямо к тебе. Не позволяй другим быть первыми и обходить тебя. Ты – любимый сын отца, и тебя должны спрашивать и тебе говорить обо всем. Выяви свою личную волю и не позволяй другим забывать, кто ты.

Прости меня, дорогой!»

Она жаждет власти. Еще не став женой Ники, еще не взойдя на престол, еще при живом императоре она уже хочет подчинить своей воле все и всех. Она уже начала исподволь, потихоньку гипнотизировать своего Ники.

Император умирал тихо, с улыбкой на исстрадавшемся, но уже потусторонне просветленном лице. Едва слышным шепотом он попросил выйти всех, кто сидел у его одра в усталом ожидании его скорой смерти. Всех, кроме протоиерея Иоанна Кронштадтского и любимой супруги Марии Федоровны, с которой прожил верно и честно недолгую, но счастливую жизнь.

Императрица склонилась над ним и, едва сдерживая слезы, слушала те последние слова, которые, превозмогая боль, едва шептал ей на ухо ее строптивый, непослушный, но горячо любящий и любимый Саша, Сашенька, Александр Александрович Третий.

– Ну вот, Маша, и все. Ухожу я. Прости, что оставляю тебя одну. Не сердчай, знаю, моя в том вина, не послушался я тебя. Да, видно, Господу теперь я больше нужен там, чем здесь. А здесь... Уж и не знаю, что будет, как все сложится... Крепись... И Ники воли не давай. Слаб он умишком-то, не осилить ему России. Да и эта... дура... Вижу, оседлает его... Как бы она и всю Россию не оседлала...

Так ты того... Ты спуску им не давай. А как Мишка подрастет – ему передашь Россию, знаю, тот сдюжит... На то моя воля. А этот...

– Да ты, Саша, не волнуйся, не страдай. Все будет хорошо. И ты, Бог даст, еще на ноги встанешь. Мы еще пятидесятилетие твое отпразднуем всем миром. Эх, погуляем!.. – безнадежно успокаивала его супруга.

– Нет уж, видно, отгулял я свое. Без меня отпраздновать придется. Хоть вспомните обо мне добрым словом, а мне там зачтется...

Что-то холодно мне, Маша. Ноги стынут...

А помнишь, как мы с тобой в первый раз встретились? Ведь ты не за меня замуж-то собиралась выходить, а за брата моего, Царствие ему Небесное... А вышло вон как!.. Увидал я тебя и понял: это мое. Мое на всю жизнь. И не надобно мне боле никого. И не было у меня никого, кроме тебя. Тобой одной я был счастлив. И сейчас счастлив. Вот сидишь ты рядом со мной, держишь меня за руку – и мне ничего не страшно... Холодно только... Сердце стынет... Похоже, кончаюсь я, Маша...

Отец Иоанн... помоги...

Иоанн Кронштадтский положил ладонь ему на лоб. Император закрыл глаза, последний раз глубоко вздохнул, и слеза скатилась по его бледной щеке.

– Отошел... – тихо, словно боясь спугнуть наступившую тишину, произнес Иоанн.

– Царствие тебе Небесное, раб Божий Александр. Оно лучше, честнее, чище земного. Там тебе будет хорошо... – перекрестил затихшего императора Иоанн и почти беззвучно зашептал над ним первую заупокойную молитву.

20 октября 1894 года в два часа пятнадцать минут пополудни, сидя в кресле, император Александр III скончался. А уже через полтора часа после его смерти, к тому времени и тело-то его еще не успело остыть, в Ливадийской Крестовоздвиженской церкви поспешил присягнуть на верность освободившемуся престолу его бесталаный двадцатилетний отпрыск.

Император умер – да здравствует новый император! – Но что-то теперь будет с великим царством, с покинутыми им подданными?..

Последующие события развивались стремительно. На следующий день в этой же церкви, едва отслужили панихиду по покойному, свершилось обращение германской лютеранки Виктории Алисы Елены Луизы Беатрисы Гессен-Дармштадтской в веру православную. И нарекли ее отныне Александрой Федоровной.

А следом, и месяца не прошло со дня смерти Александра III, страна пышно отпраздновала бракосочетание Ники и Аликс.

Заветная мечта гессенской замарашки сбылась.

«При дворе о ней говорили, что она въехала в Россию на гробе Александра III.» А народу-то что, ему это дело по барабану. Одним императором меньше – другим императором больше. Всего и дел! Так что гуляй, рванина! И гуляла Русь – от теплых до самых ледовитых морей и от царства Польского до чудного острова Сахалин.

А что праздновали-то? – Да начало конца!

Случайность... Незначительное событие... Эта дурацкая охота... И эта преждевременная смерть...

Вот послушался бы Александр свою мудрую супругу, не потащился бы в это хреново Беловежье, не лазил бы по тем гнилым болотам да сырым чащобам – не заболел бы, не слег, не осиротил бы семью и Россию раньше времени, а правил бы ими долго и счастливо, а не вернулся в северную столицу замурованным в цинковый гроб. Не пришли бы его бесталаный потомок и заезжая бестия к власти над великой страной.

Может, и пошла бы российская история по совсем иному, не столь трагичному, а глядишь, и счастливому пути...

Кунсткамера

Год после смерти папеньки – первый год пребывания Ники во власти пролетел для него стремительно. Особо не утруждая себя делами государственными, он знакомил свою Аликс с красотами российской столицы, водил ее по театрам, музеям и выставочным галереям... Пораженная их великолепием, гессенская золушка, не зная ни слова по-русски, только ахала, тараша свои бесцветные глазки и бормоча что-то, то по-английски, то по-немецки.

Неожиданно и к мистическому ужасу Ники, более всего возбудилась она при виде экспонатов Кунсткамеры, где были выставлены на обозрение шизофреникам и извращенцам в больших, маленьких и огромных банках со спиртом хладные трупы и трупики различных уродцев, чудовищ и монстров – ужасные порождения темных сил преисподней и человеческих пороков.

Новоиспеченному супругу и самодержцу пришлось трижды сопровождать Аликс в ее болезненно-сомнамбулических блужданиях по мрачным залам Кунсткамеры, где со стеллажей, из-за зеленоватых выпуклых стекол заполненных спиртом банок на них взирали несчастные жертвы обезумевшей природы.

– Дорогая, ну пойдем же поскорее отсюда на свежий воздух! – умолял Ники молодую жену, прилипшую к стеклу очередной склянки с заспиртованным уродцем. – Мне дурно, меня тошнит, у меня кружится голова!

– погоди, погоди, дорогой! Это же так интересно, так... замечательно... Они так... совершенны и прекрасны в своем безобразии, в этих... безмолвных криках ужаса и застывших страданиях. Они, я знаю, не умерли, они все еще живы, может быть, даже живее, чем мы. Они дышат, мыслят, чувствуют, они смотрят на нас оттуда, из глубины небытия. Ты видишь, у них шевелятся губы, они шепчут, манят нас туда, в свой другой, странный и прекрасный мир. Я слышу их голоса, их молчаливый, но настойчивый зов...

– Какой шепот, какой зов? Успокойся, Аликс! Это шепчутся между собой, наблюдая за нами, сопровождающие нас дворцовые прихлебатели!

– Ах, Ники! Ты ничего не понимаешь, не чувствуешь. Как жаль... Ну что ж, идем, но обещай мне, что мы сюда еще вернемся. Мне здесь, среди них, так спокойно, так уютно.

– Да, да, конечно, непременно придем! – увлекая супругу к выходу, холодея от ужаса, обещал Ники.

Ночью ему снились кошмары. Будто по всему дворцу за ним гонялись сбежавшие из Кунсткамеры монстры. Они хватали его своими холодными, липкими руками, волосатыми лапами, отвратительными щупальцами, они сверлили его мозг своими незрячими глазами, а он все бежал, бежал, бежал от них, стараясь спастись, бросался в кровать, закрываясь с головой одеялом, и беззвучно кричал:

– Аликс, Аликс! Спаси же меня, не оставляй меня одного! – он прижимался во сне к ней всем телом...

И вдруг видел, что это вовсе не Аликс, а некое бесформенное, безликое, бесполое и безжалостное чудовище обвивает и душит его своими щупальцами. И нет от него спасения...

Он закричал и от собственного крика проснулся в холодном поту.

– Господи! – взмолился он. – Спаси и сохрани меня от этих чудовищ!

Но слишком запоздалой была его молитва. Он сам впустил этих чудовищ в свою душу, во дворец, в Россию. И уже нет пути назад. Теперь эти чудовища сожрут, испепелят, уничтожат не только его самого, но и все, все вокруг.

Приятные хлопоты

Еще в самом разгаре была зима 1895 года, а обе столицы – Петербург и Москва – уже начали готовиться к торжественному событию – коронации нового императора.

Ники и Аликс с головой погрузились в эти приятные и волнительные хлопоты. Пришло время, и молодой император вызвал к себе во дворец графа Воронцова-Дашкова, занимавшего в то время должность министра императорского двора, чтобы вместе с Аликс обсудить с ним детали предстоящей церемонии коронации.

После продолжительного разговора граф вышел из царского кабинета, расплывшись в счастливой и гордой улыбке.

– Можете поздравить меня, господи! – бросил он торчавшим в приемной министрам. – Государь император оказал мне великую честь, он доверил мне быть распорядителем его высочайшей коронации, которая по традиции будет проходить в Москве.

На следующий же день в звании верховного церемониймейстера Ники утвердил князя Долгорукого, а верховным маршалом церемонии назначил графа Палена. И закрутилась-завертелась предкоронационная кутерьма! Сопровождение за сопровождением, назначение за назначением, распоряжение за распоряжением... А уж сколько идей-то, порой самых фантастических и даже бредовых, наволокли ему верноподданные!

Аликс хотела, чтоб по масштабу и пышности предстоящая коронация затмила все прежнее. А к этому времени уже все поняли, что теперь ее слово – закон для молодого императора и, вероятно, скоро будет для всей страны.

К концу зимы был сформирован и приступил к усиленной муштре коронационный войсковой отряд, а точнее, целая армия, состоящая из восьмидесяти двух батальонов, тридцати шести эскадронов, девяти сотен и двадцати восьми батарей под командованием Никиного дядюшки великого князя Владимира Александровича. Под его началом в связи с коронацией даже был образован особый штаб во главе с генерал-лейтенантом Бобриковым.

К весне в эту суету включилась и Москва. Здесь всем заправлял другой дядя Ники, великий князь Сергей Александрович. Он втайне недолюбливал своего недалекого племянничка и, как и маменька, вдовствующая императрица, считал, что не по Сеньке шапка, но куда денешься, должность обязывает...

– Что ж, Мария Федоровна, деваться некуда, будем встречать высоких гостей. Уж не ударим в грязь-то лицом! Старушка Москва – город гостеприимный, хлебосольный. И... терпеливый. Много чего на своем веку повидал. Вытерпит и это.

И началось! Москва вскипела и взбурлила. Шутка ли, к приезду нового императора она должна была блистать и благоухать, но сделать это было довольно трудно. Москвичи никогда не любили ни особого порядка, ни особой чистоты.

«Да и черт с ними, с зачуханными окраинами! Главное – чтоб центральные площади и улицы были вылизаны, выкрашены и украшены, как подобает в таком случае», – мудро решил градоначальник.

И вот все забегали, засуетились в предпраздничном деловом экстазе. Рабочие ремонтировали и красили фасады домов, торгаши драили и обновляли витрины и вывески своих магазинов. С улиц убирали слежавшийся за годы мусор, перекладывали выбитые лошадиными копытами мостовые, разгоняли нищих и бродяг...

Генерал-губернатор не брезговал, частенько сам по старинке, не на моторе, а в коляске объезжал центральные площади и улицы Первопрестольной, лично проверяя, как идут работы.

Время от времени он заставлял кучера останавливать лошадей, выходил из коляски и, не снимая белых перчаток, тыкал пальцем в неубранную витрину, кучу мусора или конского навоза, едва слышно и оттого еще более зловеще произносил одну и ту же фразу:

– Эт-то что? Почему? Кто ответственен?! Убрать немедленно!

И застигнутые врасплох виновники беспорядка трепетали, исходя потом, несмотря на апрельский холодок, и едва не падая ниц перед великим и всемогущим дядюшкой.

– Не сердчайте, ваше высокоблагородие... Простите великодушно, виноваты-с... Сей секунд все исправим... – в смятении и страхе лепетали они.

– Смотрите у меня, шельмы! Вы меня знаете, церемониться не стану, сгною заживо, сучье племя!..

И провинившиеся знали – не обманет, сгноит, если что. И потому крутились еще шибче, еще проворней и усердней. Не дай бог, и вдругорядь найдет князь к чему прицепиться. Тогда уж точно беды не миновать.

Однако, как и следовало ожидать, все обошлось, все сладилось, все уложились в положенный срок. И вот уж затрепетали флагами и Красная площадь, и Манеж, и Тверская улица, и двуглавый орел распростер свои золоченые крылья над самыми высокими, красивыми и богатыми хоромами Белокаменной. Через улицы перекинулись живописные, изумительной красоты арки, украшенные пестрыми искусственными цветами и разноцветными лентами. И все как-то разом празднично высыпали на улицы, разодетые, улыбочивые, без конца обсуждая предстоящие торжества, стараясь быть на виду, выразить верноподданнические чувства и переходящую в восторг радость по поводу – вот-вот, уже со дня на день! – прибытия царской четы.

По преобразившимся до неузнаваемости улицам молодцевато гарцевали уже стянутые в Москву гвардейцы. А по темным дворам и подворотням шныряли полицейские ищейки, выискивая, выслеживая подозрительных людишек, потенциальных террористов-бомбистов, всегда готовых нагадить на праздничный стол. Надо ж заранее избавиться от всей этой нечисти, упрятать нелюдей за решетку или выслать подальше от Москвы, чтоб не доводить дела до греха.

Вот уж и май наступил. Давно стаял, изошел веселыми ручейками серый от грязи и городской копоти снег. Засветилась живыми, свежими весенними красками Москва предпраздничная. Нежно-нежно зазеленели потянувшейся к солнцу робкой листвой деревья и кусты на бульварах и скверах. Лица людей засветились загадочными полуулыбками – то ли в предожидании уже близкого лета, то ли в предвкушении всенародного праздника. Как же, вся питерская знать во главе с самим юным батюшкой царем и царицею пожалуют к ним в первопрестольную! Авось посчастливится хоть одним глазком увидеть их, блистающих в злате и серебре, излучающих семицветные радуги драгоценными камнями.

Почитай, весь май будет пить да гулять вместе с сильными мира сего московский, да и не только московский, а съехавшийся по такому редкому поводу русский и нерусский люд за большим и почти что одним со знатью столом. Не суть, что одни пируют во дворцах, а другие в халупах да кабаках, праздник-то общий – один на всех, так же, как и сам батюшка-царь.

– Не важно, что царица-то подкачала, немчура неумытая, по-русски ни словечка не понимающая, зато сам-то каков – молодой, статный да гладкий! – рассуждали в кабаке меж собой два оборванца с Хитровки.

– Да уж, одни евоные усы с бородкою холеной чего стоят!

– А царица-то что ж, ее дело муженька свою ублажать да детишек рожать. Для этого, окромя любви да круглой жопы, ничего и не надобно.

– И то верно. А язык-то ей наш зачем знать! Не с тобой же, дураком, лясы точить! Во дворцах-то оне, все одно, на своем хранцузском с утра до вечера лопочуть.

– Вот-вот, я и говорю, оттого никогда не понять им русской душеньки – потому как не наши оне, не здешние.

– Да уж, не зря говорят, до Бога высоко, а до царя далеко. Тольки вот я так себе думаю: чем дальше-то оно, для нас с тобой – лучше, спокойней. Ведь мы с тобою, Кузьма, люди воль-

ные, к хомуту непривычные. Это енералам да министрам без хомута жисти нет, он их и кормить. А нас-то в германскую повозку не запрягешь!

– Твоя правда, Иван, твоя правда... А ты мне вот что еще растолкуй. Слыхал я, что из Питера в Москву поезд с подарками отправили. Подарки енти будто для простого люда, чтоб, значить, порадовался народ в день коронации за Николку-то нынешнего. Да еще, людишки сказывают, вместе с подарками деньги будут раздавать, за здорово живешь, таким вот босякам, как мы с тобой, чтоб выпить могли чарку-другую за здоровье помазанника.

Так скажи мне на милость, правда это али вруть люди? Чтой-то мне в это не особо верится. Думаю, брехня все это.

– Не, не брехня. Доподлинно знаю, на Ходынском поле подарки анпиратор с супружницей своей собственноручно будет раздавать. И по золотому пятерику – каждому в руки. Так-то, брат, – убедительно заявил Иван.

– Вот те раз! Неужто по пятерику? А я-то, темнота, про то ничего не знаю и не ведаю! – загорелся Кузьма. – Это ж какие деньжищи!

– Вот ты мне еще стопарик налей, так я тебе много чего полезного расскажу.

– Да пей, я не жадный! Когда ж это будеть-то, когда за подарками нам с тобой собираться? Кабы не прозевать. Надо ж места загодя получше занять. Я думаю, народу на дармовщинку соберется тьма-тьмущая.

– Аккурат в субботу, кажись. А вот число... Что-то запамятовал, – закатив под лоб уже изрядно залитые водкой глаза и загибая пальцы один за другим, забормотал Иван.

В Москву, разгонять тоску!

Днем коронавания было назначено 14 мая. Однако Ники и Аликс выехали из Питера намного раньше намеченной даты. Там, в Первопрестольной, их ожидали большие хлопоты. Шестого мая поезд с императорской четой и сопровождавшей их многочисленной свитой прибыл на Смоленский вокзал Москвы, где им была организована пышная, многолюдная встреча. Здесь собрались члены императорской семьи, высокие сановники и чиновники империи. Вся площадь перед вокзалом была заполнена толпами народа.

Выйдя из поезда, Ники и Аликс в сопровождении дядюшки Сергея Александровича направились к специально сооруженному и шикарно обставленному павильону, над входом в который красовался государственный герб Российской империи, а на устремленном в яркое майское небо флагштоке гордо развевался императорский штандарт.

По такому торжественному случаю Ники решил обрядиться в красный мундир Екатеринбургского полка. Грудь вперед, подбородок вверх, – таким предстал он перед рукоплещущей толпой. Следом за ним, одной рукой придерживая край длинной, пышной юбки, а другую манерно отставив в сторону, выпорхнула Аликс.

Отделившись от яркой шеренги застывших в почетном карауле гвардейцев, с шашкой наголо, навстречу им шагнул командующий войсками Московского гарнизона великий князь Владимир Александрович.

Ники слушал его рапорт со счастливой, рассеянной полуулыбкой, оглядывая застывшие шеренги гвардейцев, пеструю толпу народа, плотно сбившуюся в оцеплении солдат, на очертания окружающих площадь домов, своей странноватой, разномастной архитектурой так не похожих на изысканные петербургские дома-дворцы, на прозрачную зелень тополей, обрамляющих привокзальную площадь...

«Все здесь иное, незнакомое, непонятное и какое-то нереальное, что ли... – подумалось Ники. – Все не так, как в родном и знакомом до мелочей Петербурге. Ощущение такое, будто оказался совсем в другой стране. А что же там, дальше, за Уральским хребтом, за лесами и долами?..»

Ему представилось это мгlistое безбрежье, эта непонятная и жуткая бесконечность доставшейся ему в наследство страны, и он вздрогнул от вдруг навалившейся на него невыносимой тоски. Ему захотелось бросить все и всех, вернуться в теплый, уютный вагон и, забившись в угол, накрывшись теплым, мягким одеялом, слушать мерный, успокаивающий перестук колес поезда, уносящего его назад в Царское.

Глубоко погруженный в свои мысли, Ники не заметил, что дядюшка уже закончил свой доклад. И теперь он, и вся свита, и стоящие в почетном карауле гвардейцы, и тысячеглазая толпа – все устремили к нему свои вопросительно-встревоженные взоры.

– Что-то не так, государь? – озабоченно, вполголоса спросил великий князь.

– Нет, нет, все хорошо... – очнувшись, успокоил его Ники. – Это я так... Мысли одолевают... Я рад, я счастлив быть здесь, с вами, в этом древнем, прекрасном городе... Однако куда мы теперь?..

– В вашу загородную резиденцию – в Петровский дворец. Вам там понравится. Отдохнете с дороги, а потом... Все согласно утвержденному лично вами плану предстоящих торжеств.

– Так чего же мы ждем? Поехали! Дорогая Аликс, мы уезжаем, – обернулся он к стоящей рядом супруге. – Улыбнись и помаши людям платочком. Они будут счастливы...

Между тем великий князь сделал знак рукой в белой перчатке, и к ним подкатила карета, запряженная четверкой лошадей. За ней выстроились другие коляски, протянулась кавалькада гусар, изящно гарцюющих на породистых красавцах скакунах. Царственная чета разместилась в карете и пышная процессия тронулась в путь.

«За их величествами в коляске ехал великий князь Сергей Александрович, затем великий князь Александр Михайлович с Ксенией Александровной и великая княгиня Ольга Николаевна».¹ Следом ехали все остальные – согласно занимаемому в обществе положению и чину.

Миновали городскую черту. И уже на первых верстах Петербургского тракта царский кортеж оказался в плену непролазной подмосковной грязищи. Лошади мужественно боролись с бездорожьем, однако им то и дело приходилось помогать стоящим в оцеплении по всему пути следования солдатам и полицейским. Под восторженные вопли толпы, приветствующей забрызганную грязью до самого верху, но не утратившую своего великолепия царскую карету, они, утопая в вязкой жиже, натужно охая и крича, выволакивали то карету, то следующие за ней коляски многочисленной свиты из очередных колдобин.

«Офицеры скакали в парадных мундирах без шинелей, в какой вид обратились эти красивые белые колеты кирасирских полков и ментики гусарских полков, легко себе представить, они были сплошь покрыты комками грязи. По всему пути по бокам шоссе стояли несметные толпы народа, оглушительное ура гремело в воздухе».

– Посмотри, Аликс, как радостно нас встречает русский народ, как любит он нашу романовскую семью! – то и дело вглядываясь в толпу сквозь заляпанное грязью оконце кареты, восторгался на своем любимом английском Ники. – Ты только представь себе, без малого триста лет мы, Романовы, правим на Руси! И вот теперь... пришел и наш черед.

– Йес, йес, май дарлинг! – с придыханием вторила ему молодая супруга на дикой смеси английского с плохо выученным русским. – Зэтс вандерфул! Абер Питерсбург все же мне нравится много больше. Бат я бы не хотеть хиа жидь. Хиа, где в май такой грязь. Это есть кошмар!

– Ничего, ничего, дорогая, – успокоил ее Ники, – мы здесь ненадолго, всего-то на несколько дней. Вот закончатся торжества – и назад, в Питер... Правда, к сожалению, и там нас погода не очень-то балует. Но чего же ты хочешь – это Россия!

– Йес, йес, ит из Раша!.. – вздохнула молодая русская императрица.

Но вот вдали, из-за плотной завесы дождя, показались величественные очертания Петровского путевого дворца. Он появился как из сказки, словно ниоткуда, посреди пустырей и жалких хижин. И эта волшебная картина заворожила молодую сентиментальную немку.

– Ах! – восторженно воскликнула она. – Ники, посмотри, какая красота! Этот замок – словно из сказок Андерсена... Я так любить читала их в детстве. И я сейчас вспомнил... я представил себе, будто ты – май стойкий оловянный зольдатик, а я твоя принцесса, в которую ты безумно влюблен...

Но я не хочу, не хочу!.. Ай донт вонт!

И вдруг на ее глаза навернулись слезы.

– Милая, что с тобой? – всполошился Ники. – Что ты надумала? Ведь это всего лишь сказка! И эта сказка не о нас с тобой. Все будет хорошо. Я никому не дам тебя в обиду! Уже через пару дней на головке моей принцессы засияет корона Российской империи. Мы с тобой будем жить долго и счастливо и умрем в один день.

Это просто нервы... Оу, май хани! Ты у меня так романтична, так трогательна...

Широко распахнулись тяжелые чугунные ворота, и они подкатили к парадным дверям дворца.

Кто-то невидимый отворил дверцу кареты, и рука в белоснежной перчатке протянулась к Ники, помогая ему выбраться из нее.

¹ Здесь и далее даны цитаты из различных документальных источников, частично приведенных в списке литературы (с. 423).

Непослушными, затекшими за время пути ногами он ступил на мокрую, залитую дождем ковровую дорожку. Следом за ним выбралась из кареты и Аликс.

Остаток дня они провели в волнительных хлопотах. Немного отдохнув, принимали одну за другой депутации московской аристократии, чиновничества, духовенства... Выслушивали бесконечные доклады о том, как завершается подготовка к предстоящим торжествам. В перерывах ели, пили, рассматривали коллекции картин и старинных гобеленов, украшавших залы дворца, и прочее, и прочее.

Не заметили, как пролетел день. И уже далеко за полночь усталые и довольные, наконец отправились на покой.

Забравшись в постель, Ники, возбужденный массой новых впечатлений, начал было приставать к супруге с поцелуями, но та устало отмахнулась от него.

– Слип, слип, май харт, я очень сильно устал и хотеть отдых. Морнинг вечером мудрее... – уже сквозь сон пробормотала она.

Наутро Ники с Аликс продолжили осваивать красоты Подмосковья. Показать в первопрестольной им по традиции надлежало лишь в день коронации. А Москва все принимала и принимала именитых гостей. Среди прибывших первыми были герцог Вюртембергский, наследный принц Баденский, великий герцог Саксен-Кобург-Готский, принц Датский, принц Сиамский, герцог Каннаутский с супругой, великий герцог Макленбург-Шверинский, принц Саксонский, князь Черногорский и принц Неаполитанский... Словом, всех высоких имен не перечить.

Вдовствующую императрицу Марию Федоровну встречали уже позднее, накануне торжеств. Она приехала не в духе. То ли дальняя дорога утомила ее, то ли предстоящее событие ввергло ее в хандру. Без лишней помпы она отправилась в свою резиденцию и там уединилась до следующего дня. Злые языки судачили о том, что она вообще не хотела приезжать, сказавшись больной, так как изначально была против восшествия на престол своего балбеса-сына. И лишь слезные мольбы Ники заставили ее изменить свое решение.

Кровь на мантии

Вдень торжественного въезда в Москву Ники и Аликс встали спозаранок. Наскоро позавтракав и приодевшись, тронулись в путь.

На этот раз им повезло. Погода была чудная, дорога подсохла, в небе ни единого облачка, солнце пекло так, словно на дворе была не середина мая, а знойный июль. Москвичи поразили их своим гостеприимством и восторженным простодушием. Казалось, их безудержной радости нет предела.

«Народное ликование, достигнув своего апогея при въезде царя, продолжалось весь вечер и часть ночи. Густые толпы народа заполняли улицы и любовались невиданной до того, совершенно фееричной иллюминацией...»

Вся Москва сияла в этот день разноцветными огнями, образовавшими на небе огромное багровое зарево, которое было видно за десятки верст от Москвы. Тверская, Кузнецкий Мост, Петровка, Неглинный проезд так и сияли огнями: красными, синими, желтыми, всех цветов радуги.

Гранитная набережная Москвы-реки от Каменного до Москворецкого моста была вся увешана гирляндами фонарей. Громадный купол Румянцевского музея сплошь залит огнями. Здание Городской думы от фундамента до крыши затянута узорчатой сеткой светящихся белых шкаликов, шкаликов без конца, несколькими тысячами белых шкаликов». Теперь Ники и Аликс поселились в Александровском дворце, что в Нескучном саду. Здесь им предстояло обитать до самого дня коронации. Прием следовал за приемом. Каждое утро они слышали, как герольды, объезжая Москву, объявляют народу о Святом короновании. И сердце замирало от мысли о том, что это ведь они – Ники и Аликс – виновники всего этого переполоха, этого великого торжества. Это их приветствуют, ими восторгаются, им верят и на них возлагают надежды все эти люди.

И этот день наступил. Четырнадцатого мая в семь часов утра Москву огласил двадцать один пушечный залп. Следом зазвенели колокола Успенского собора Кремля. На них откликнулись колокола других московских соборов. И вот уже по всей Москве они гудят, звенят, кажется, без конца. Пестрыми ручейками стекаются почетные гости к Успенскому собору. Это здесь будет проходить торжественная церемония коронования.

К восьми часам все места уже заняты, люди толпятся на ступенях собора, на всей площади. Весь ритуал расписан по минутам:

«8.30 – сбор в Успенском соборе иностранных послов;

8.45 – шествие в собор Государыни императрицы Марии Федоровны;

9.40 – начало шествия их величеств;

10.00 – начало Святого коронования».

На верхнюю площадку красного крыльца собора вышли виновники торжества, Ники – в сопровождении великих князей Михаила Александровича и Владимира Александровича, Аликс сопровождали великие князья Сергей Александрович и Павел Александрович.

Многokrратно отрететированное громогласное «Ура!» грянуло на Соборной площади и, перекатив через кремлевские стены, пронеслось по заполненным до отказа праздным и рабочим людом набережным Москвы-реки, по всей Москве. Военные оркестры грянули медью своих труб.

Под нескончаемый перезвон колоколов и торжественные звуки гимна Ники и Аликс вошли на паперть. В сопровождении высшего духовенства с замиранием сердца ступили под строгие своды древнего собора.

В сияющей, переливающейся горячими огнями свечей глубине собора, перед золотыми воротами алтаря, под строгими лицами святых, отстраненно взирающих свысока на все происходящее, возвышался установленный специально для этого случая трон. Это были бережно хранимые в тайных палатах кремлевского дворца бесценные исторические реликвии – престолы русских царей Михаила Федоровича и Иоанна III. По указанию митрополита Московского высокопреосвященного Сергия, после троекратных поклонов и целования святых икон Ники и Аликс вззошли на трон и заняли эти престолы – каждый свое место.

– Ой, Ники, мне что-то не по себе... – дрожащим голосом по-английски прошептала Аликс. – Я чувствую, что со мной вот-вот может случиться обморок.

– Потерпи, дорогая, так надо, мы должны через это пройти. Потом ты всю свою жизнь будешь вспоминать этот день, этот великий миг, – тоже на английском шепотом, так, чтобы его никто кроме нее, не услышал, успокаивал Ники. – Мне и самому как-то страшновато. Но никак нельзя показать виду. Посмотри, сколько людей на нас смотрит...

Тем временем к трону приблизился митрополит Сергий. С торжественным поклоном, на алой бархатной подушечке поднес Ники усыпанную драгоценными камнями и волшебной сияющей всеми цветами радуги в свете церковных огней корону, скипетр и державу.

– Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь! – возгласил митрополит, протягивая Ники символы императорской власти.

Ники встал со своего места, сделал шаг ему навстречу, бережно принял корону и, как учили, возложил ее на свою голову.

«Ох, и тяжела ж она! – подумал он. – Да еще к тому же и велика, сползает на самые уши. До чего же смешно, наверно, я сейчас выгляжу со стороны!»

А митрополит уже протягивал ему скипетр и державу.

Ники принял их и в неуклюжей позе застыл перед иерархом, от волнения совершенно позабыв, что нужно делать дальше. Митрополит, видя его замешательство, глазами указал на престол.

«Садись, мол, садись, что стоишь, как истукан!»

Ники понял – и воссел.

В замешательстве повертев в руках скипетр и державу, наконец вспомнил, что нужно делать дальше, и положил их на подушечки по обе стороны от престола. Но это было еще не все. Теперь предстояло разобраться с императрицей. Ники взглянул на Аликс и понял, что она совсем плоха. Глаза ее были полузакрыты, а по бледному, сильно напудренному виску, оставляя за собой влажную дорожку, стекала капелька пота.

– Эй, мон шер, как ты там? Жива? – прошептал он одними губами.

– Я в этом очень сомневаюсь... – судорожно сглотнув слюну и не поворачивая головы, так же тихо прошептала Аликс.

– Тогда соберись с духом, сейчас твой черед...

В соответствии с ритуалом, превозмогая накотившую слабость, Аликс выбралась со своего места и, дрожа всем телом, подошла к нему, преклонив перед теперь уже августейшим супругом колени.

Ники, стянув со своей головы тяжеленную корону и, как того требовал ритуал, приложив ее ко лбу императрицы, начал снова нахлобучивать ее на свою голову, однако делал это так неловко, что поранил себе палец об ажурную оправу одного из украшавших корону драгоценных камней, да так сильно, что капелька крови упала на его горностаевую мантию.

«Черт возьми, этого еще не хватало. До чего же дурацкая церемония! – окончательно теряясь и злясь, подумал он. – Просто какое-то средневековье. Бедная Аликс, как ей сейчас плохо!»

«Что это – никак кровь? – увидев появившееся на мантии красное пятно, вздрогнул митрополит Сергий. – Не к добру это, ох, не к добру!»

Он по-быстрому водрузил царевой супруге на голову корону поменьше и помог ей, окончательно обмякшей, подняться с колен.

Наконец-то оба снова заняли свои места и с облегчением перевели дух.

В этот момент певчие на хорах дружно грянули «Многая лета», и тут же где-то там, снаружи, зазвенели колокола, мощные стены собора дрогнули от орудийных залпов.

«Один, два, три...» – машинально начал считать Ники, но быстро сбился со счета и бросил.

Начались поздравления. Этим, слава богу, коронация и закончилась.

Из собора, с Ники и Аликс во главе, многочисленные гости разнаряженной толпой направились в Грановитую палату, где в ожидании их уже стояли накрытые и богато сервированные к торжественному обеду столы. Перед каждым серебряным прибором лежало меню, высокохудожественный эскиз для которого был выполнен не абы кем, а самим знаменитым Васнецовым. Это был пергаментный свиток в пол-аршина длиной с перечнем всяческих мыслимых и немыслимых яств. Тут было все и на любой, самый взыскательный вкус. В том числе: «рас-сольник, борщок, пирожки, стерляди паровые, каплуны, салат, спаржа, фрукты в вине, мороженое» и прочие, и прочие деликатесы.

И эпитафией к этому гастрономическому великолепию – следующие возвышенные слова:

*Слава Богу на небе.
Слава.
Государю нашему на сей земле –
Слава.
Его верным слугам –
Слава.
Именитым гостям Его –
Слава.
Чтобы правда была
На Руси краше солнца светла –
Слава.*

Уж звезды щедро усыпали небосвод над первопрестольной, а поедание стерляди и каплунов все продолжалось.

– А сейчас, господа, сюрприз! – вдруг торжественно огласил под фрукты в вине дворцовый комендант Гессе. – Государыня, – подошел он к Аликс, – позвольте преподнести вам этот букет из не обычных, а... электрических цветов. Его специально для вас придумали и изготовили наши искусные инженеры и механики. Зажгите его, нажав вот эту кнопочку, и по мановению вашей высочайшей ручки засветится яркими электрическими огнями не только этот букет, а и весь Кремль, вся Москва!

Аликс взяла букет из разноцветных лампочек, от которого длинный шнур уходил куда-то далеко, нажала указанную ей комендантом кнопку, и тут же с улицы в окна ворвались мощные потоки света.

– Ах, какая красота! – восторженно воскликнула золушка.

– Ах, какая красота! – эхом пронеслось по столам.

«Засветился разноцветными электрическими огнями весь Кремль, точно огненной кистью нарисованный на потемневшем небе... Иначе как огненной живописью нельзя назвать эту иллюминацию Кремля. Его кресты, куполы, крыши, зубцы, окна, карнизы, все его разнообразные архитектурные линии вырисовывались тысячами разноцветных огней, бирюзовых, пурпурных, золотистых или сверкающих, как бриллианты. Каждая башня, каждый купол, каж-

дая арка ворот или амбразура окна были чудом красоты и искусства. Описать эти чудеса невозможно, нужно было их видеть, как видел московский народ, сотнями тысяч запрудивший все улицы. Что творилось на Красной площади и набережной Москвы-реки, между Москворецким и Каменным мостами, и представить себе невозможно».

Первопрестольная разгулялась не на шутку. Веселилась до упаду московская и заезжая петербургская знать. В пьяном загуле бездельничали иностранные послы. Бесчинствовали по ресторанам заводчики и купцы. Пропивали последние гроши, а то и портки обитатели московских трущоб...

Однако простой люд все еще томился в ожидании, в предвкушении невиданного, самого масштабного праздника для всех и каждого без разбора – мастерового и крестьянина, лавочника и мелкого чиновника, студента-очкарика и бродяги-босняка. Ведь новый царь решил облагодетельствовать всех, невзирая на чины и звания. По распоряжению Ники московский губернатор великий князь Сергей Александрович должен был организовать на окраине города, на Ходынском поле, массовые народные гуляния. Для этих целей здесь были построены временные «театры», эстрады, балаганы, сооружены полторы сотни ярко изукрашенных палаток, обустроены ларьки для бесплатной раздачи пива, водки и различной закуски. Сюда завезли тридцать тысяч ведер пива, бочки вина, водки и меда. Пей, гуляй, русский народ!

Но больше всего в народе судачили о бесплатных «царских гостинцах».

В рекламных листовках, заранее распространявшихся по всему городу и приглашавших москвичей на Ходынское поле, было подробнейшим образом описано драгоценное содержимое этих гостинцев. В каждом из полумиллиона подарочных кульков были: «ситцевый платок, выполненный на Прохоровской мануфактуре, на котором напечатаны портреты императорской четы, памятная коронационная эмалированная кружка с вензелями их величеств, высотой 102 миллиметра, фунтовая сайка из крупчатой муки, изготовленная поставщиком двора его императорского величества булочником Д. И. Филипповым, полфунта колбасы, вяземский пряник с гербом 1/3 фунта, мешочек с 3/4 фунта сладостей».

– Вот это да!..

– Вот это подарки!..

– И это что же, все даром?..

– Конечно, даром! Для своего народу анпиратору ничего не жалко.

– Ну так дай же ему Бог здоровьичка!..

Так судачил народ, читая эти рекламные листки.

А кто же не захочет вживую увидеть и услышать самого помазанника Божьего, обещавшего приехать на Ходынку вместе с супругой, чтобы во всеуслышание сказать людям свое доброе слово. Для этого здесь же, на краю поля, был оборудован специальный павильон, откуда царь-батюшка должен был обратиться к своему верноподданному народу. Не все же во дворцах с князьями да министрами пить да гулять, надо ж и с народом стопарик пропустить.

Однако до этого надо было еще дожить. И выстоять в круговерти приемов, балов, банкетов, торжественных обедов до ужина и ужинов до утра. Времени катастрофически не хватало: то высочайший прием чрезвычайных послов и посланников в Андреевском зале, то торжественный обед в Грановитой палате для духовенства, за ним – высочайший прием папского нунция, на следующий день – опять двадцать пять, то же самое, но уже с другими составами. Поздравления, шампанское, икра, устрицы, фрукты, мороженое, музыка, танцы и, конечно, «Ура! Славься! Многая лета!..»

Гуляй, рванина!

Кпоходу за подарками, на Ходынку, Иван с Кузьмой начали готовиться заранее, основательно и с удовольствием. А как же, ведь не часто приходит на их улицу праздник. Может, потому, что давно уж нет у них ни своей улицы, ни родного дома. Живут, словно собаки бездомные, где и как придется. Носит их судьба из конца в конец земли русской, словно перекасти-поле. Вот и толстопузая купчиха Москва приютила их ненадолго. Здесь тоже, конечно, жизнь не сахар, однако на кусок хлеба, требуху да шкалик-другой водки рукастым мужикам в расцвете сил всегда можно подзаработать – кому забор или крышу починить, кому трубу почистить или фасад дома подкрасить. В общем, пока сила есть, Христа ради просить милостыню не приходится.

Да вот только праздников-то, как бывало на селе, теперь у них нет. Все будни да будни, стосковались они по празднику. А тут такое! Ведь если когда-нибудь доведется вернуться в родные села, до самой смерти хватит рассказов о том, как с самим царем-батюшкой пировали на Ходынке. А кружка-то с гербом да золотыми вензелями по белой эмали, а платок с портретами царя да царицы – это ж на всю оставшуюся жизнь память! Уж больно хороша кружечка-то. Прямо засмотрелись они на одну такую, напоказ выставленную в витрине дорогого магазина. Глаз не оторвать!

Словом, сэкономили они денегат. Накупили выпить-закусить, чтоб ожидание было в удовольствии, и отправились в путь-дорожку еще загодя, чтоб, не суетясь, с ночи места получше занять, посидеть, побалакать о том о сем с такими же, как они, мужичками под звездным майским небом у разведенного костерка. Да под водочку, под закусочку. А поутру первыми подарочки получить да на анпиратора с супружницей поглазеть, послушать, что народу своему скажет.

Наскоро перекусив и выбравшись на свет Божий из своей ночлежки, переулками, переулками, чтоб не нарваться на полицейского, – хотя и не беглые они, а паспортов-то ведь нет! – вышли на Тверскую. Время было раннее, но по ней в сторону Ходынки уже тянулись вереницы народу. Празднично приодетые, с улыбками на лицах. Не बारे, а в основном такие же, как они, работяги-труженики.

Ивану с Кузьмой было приятно и даже гордо идти среди них и вместе с ними, ощущая забытое с той деревенской поры их жизни соборное единение и какую-то возвышенную одухотворенность. Они шли, словно в церковь на престольный праздник, не забывая, впрочем, об обещанных угощениях и подарках и о виденной в витрине белой эмалированной кружечке с золотыми вензелями.

– Вот и у нас с тобой праздник, Кузьма! – расплылся в широкой беззубой улыбке Иван.

– Душа поет! – восторженно выдохнул Кузьма.

– А погодка-то, погодка, словно по заказу!

– А что, бабоньки, вы откуда будете? Вижу, что не московские! – бочком, бочком присоседился шустрый Кузьма к двум молодкам, степенно вышагивающим рядом.

– Откуда, откуда – от верблюда! – лузгая семечки, захохотала одна из них, белобрысая, худая и плоская, как доска, бабенка в цветастом платке.

– Уймись, Марфа! – осадил ее черноглазая, чернобровая подруга. – Из Сергиева Посада мы. Посадские. Торгуем в Москве чем придется – корзинами, лаптями да медом... И вот, вишь, подвезло. Разве ж можно такое пропустить!

– Так, может, вместе ноченьку у костра скоротаем? – подмигнул Кузьма. – В хорошей-то компании все веселей.

– Ишь ты, шустрый какой! С женой своей ночки коротай. А нам и вдвоем хорошо, – строго глянула на него Марфа.

– Да ты что подумала-то?! Я ж без всякой задней мысли! – обиделся Кузьма.

– И правда, Кузьма, что ты к ним пристал, словно банный лист к заднице! – буркнул неодобрительно молчавший до сих пор Иван.

Кузьма обиделся и надолго замолчал.

Бабы давно отстали, а они все шли да шли, праздно глаза по сторонам. Миновали Тверскую заставу и вышли на Питерское шоссе. Идти было легко и приятно. Дорога подсохла, свежий ветерок поддувал в лицо, по обеим сторонам шоссе – зазеленевшие первой прозрачной листвою сады, редкие, чудом сохранившиеся под напором разрастающихся городских окраин перелески... А вот уж слева от дороги показалось и широкое Ходынское поле.

Вечером 17 мая в Большом театре давали парадный спектакль.

«Это был верх блеска и великолепия!» Избалованные красотой и богатством убранства петербургских дворцов, ступив под своды легендарного театра, Ники и Аликс все же не смогли сдержать своего восторга.

Вестибюль и широкие мраморные лестницы фойе утопают в зелени свезенных из ботанического сада экзотических растений, благоухают и поражают разнообразием форм и красок живые цветы. Буфет изысканно обставлен саксонским фарфором и французским серебром. Египетские хрустальные люстры и бра переливаются всеми цветами радуги...

И все вокруг кланяются, кланяются, кланяются...

Коридором кланяющихся тел они прошли в увешанные старинными гобеленами царские комнаты. Однако не стали здесь долго задерживаться. Выпив по бокалу шампанского, направились в ложу. И едва они ступили в нее, собравшаяся в зале публика грянула «Ура!». Оркестр заиграл гимн.

Уже привычно поприветствовав публику, Ники и Аликс заняли свои места. Сценическое действие еще не началось, и они с интересом отсюда, с высоты, начали разглядывать тех, кто внизу.

«Бенуар, первые два яруса полны были блеска красивых платьев. В первом ярусе сбоку сидели: бухарский эмир и хивинский хан, корейское посольство, в третьем – военные, в четвертом виднелись золотые мундиры камергеров и камер-юнкеров и далее в пятом ярусе – статские генералы, председатели ведомств и в самом верху, в парадизе, волостные старшины, среди них и типичные фигуры представителей Азии в оригинальных костюмах и халатах». А далее, в партере, разместились члены Государственного совета, андреевские кавалеры, сенаторы, генералы и адмиралы...

Действие на сцене началось актом из пьесы «Жизнь за царя». Это было красочное зрелище с толпами богато разодетых артистов, перезвоном колоколов, в сопровождении знаменитого «Славься, славься!», при звуках которого зал снова невероятно возбудился и начал подпевать, устремив преданные взоры к царской ложе.

Представление было продолжено новым модным балетом Петипа «Волшебная жемчужина». Здесь вроде бы вскакивать с мест и голосить «Славься!» или «Многая лета!» было уже ни к чему, поэтому действие прошло спокойно и без экзальтации зала.

Но вот спектакль подошел к концу, и под все то же дружное «Ура!» – куда ж без этого! – Ники и Аликс вышли из зала, вышли из своей царской комнаты, вышли из театра на свежий воздух, в теплую, пронизанную ароматом цветущей сирени, волнующую и хрупкую, как богемский хрусталь, майскую ночь...

А в это время со всех концов не желающей спать, праздной Москвы, из окрестных деревень и сел на Ходынку продолжал стекаться народ. Отведенное под гулянья пространство, протяженностью более квадратной версты, с одной стороны прилегало к Петербургскому шоссе, а с другой – к Верхнесвятской роще и Ваганьковскому кладбищу. Сама Ходынка представляла

собой большое поле, изрытое траншеями и рвами и служившее когда-то учебным полигоном для войск Московского гарнизона.

– Вот и добрались мы с тобой, Ванюшка, – вздохнул Кузьма и, сладко потянувшись, бухнулся на траву.

– Чего разлежся! – неодобрительно буркнул Иван. – Надо все как след обсмотреть. Позицию занять. Вона уж сколь народищу-то натекло.

– Да успеем ишшо! Вот отдохнем с дороги зачуток – и пойдем с тобой обследовать. Ты только полюбуйся, эвон какой простор! Не то что в городе. А воздух-то, воздух – словно мед!..

Немного отдохнув, пошли обследовать место гулянья. На поле собралось уже много народу. Люди сидели группами и по одному, бродили, как и они сами, глаза по сторонам, рассматривали закрытые пока ларьки и палатки, крутились вокруг замерших до поры аттракционов. Меж ними деловито шныряли разносчики нехитрой еды, сладостей, кваса или лимонной воды. А народ уже веселился кто как мог. Люди пили, ели, пели, плясали, обнимались и дрались. И опять дружно пели, обнявшись и забыв про обиды. «Почти все были с припасами в узелочках, из которых то и дело мелькали сургучные головки винной посуды».

В своих блужданиях по полю они вдруг наткнулись «на глубокий овраг с крутыми обрывистыми краями, местами очень широкий – сажень до сорока. Дно оврага вдобавок было изрыто добытчиками глины и песку, которые оставили тут после себя множество ям, сажень четырех глубины. Дожди и вешние воды соединили эти ямы промоинами, и соседство этого оврага с местами будок и гуляний не было ничем обезврежено».

Чтобы как-то убить время, они не спеша прошли вдоль этого оврага, огибая многочисленные рытвины и ямы, в которых уже успели уютно угнездиться у костров те, кто пришел раньше их.

Обойдя овраг, они оказались у насыпи заброшенной узкоколейки, широкой дугой опоясывающей Ходынское поле и уходящей своими давно проржавевшими рельсами и полусгнившими ступеньками шпал в сторону далекого города.

Вечерело. Вот уж и солнце спряталось за близкую рощицу, озарив своими лучами верхушки сосенок и берез.

А народ все прибывал и прибывал. То и дело подкатывали перегруженные телеги и тарантасы. В них теснились целыми семьями. Пели, смеялись, ехали как на праздник. Одни располагались здесь же, прямо в роще, другие пробирались дальше, поближе к заветным ларькам и палаткам.

– Ну что мы с тобой все ходим, ходим, словно неприкаянные, Кузьма! Чего ищем-то? – вдруг возроптал Иван. – Я уж все ноги истоптал. Да и выпить-закусить давно пора. Жрать охота – ах живот подвело! Глянь, все уж во хмелю да в сытости поют да гуляют, а мы с тобой все чего-то ищем...

– погоди, погоди, с умом надо место выбирать, – думая о чем-то своем, процедил сквозь зубы Кузьма. – Что-то не очень нравится мне вся эта канитель...

– Что ж не так-то? Что ты ворчишь? Люди празднуют, веселятся, а ты все ходишь да ноешь! – вскипел вконец уставший и проголодавшийся Иван.

– А то... уж больно много народищу тут собралось. И все прут, прут со всех сторон. И никакого удержу им нет. Представляю, сколько их к утру тут набьется и что будет, когда подарки начнут раздавать. Вот и думаю я, не дошло бы тут до греха, до смертоубийства...

– Что-то не пойму я тебя! – совсем растерялся от слов товарища простоватый Иван.

– А тебе и не надо! – засмеялся Кузьма. – Зачем тебе голову забивать моими сомнениями. Идем-ка вон туда, поближе к оцеплению. Там простору поболее. А то ведь тут, в гуще, народу к утру будет не продохнуть. А я простор, волю люблю... И чтоб, если что, было куды бечь...

– Да куды ж ты бечь-то собрался и от кого, заячья твоя душа? – засмеялся Иван.

– Да это я так, на всякий пожарный случай... Забудь... – отмахнулся Кузьма, быстро шагая в одному ему известном направлении, так что Иван за ним еле поспевал.

А вокруг, во тьме уже властно наступившей ночи, там и тут полыхали костры, освещая возбужденные, веселые, пьяные лица сидящих и лежащих вокруг них людей.

То ли от непонятных, но тревожных слов Кузьмы, то ли от вида этого погрузившегося во тьму и кажущегося теперь бесконечным поля, переполненного пьяными криками, песнями и гомоном собравшихся здесь людей, Ивану стало жутко. И он, как мог, старался поспешать вслед за товарищем, боясь отстать, затеряться в этой бескрайней, беспокойной толпе.

Они снова миновали тот самый овраг, теперь уже сплошь заполненный веселящимися, пьющими или уже опьяневшими и уснувшими тут же, у костров, людьми. Лавируя между ними, чтобы, не дай бог, не наступить на спящего или уже в стельку пьяного человека, пересекли этот овраг и оказались на другой его стороне, совсем неподалеку от заветных ларьков и палаток. У них народу собралось больше всего, хотя место было совсем неудобное, открытое и потому продуваемое довольно неприятным холодным ветерком.

– Вот здесь, Иван, мы с тобой и заночуем! – уселся на камень Кузьма, присоседившись поближе к чужому костру.

Окончательно выбившийся из сил Иван возражать не стал.

Выпили, закусили. Еще выпили, еще закусили. Устало поговорили о том о сем и, подложив под головы заметно отошавшие котомки, завалились спать...

Часам к трем ночи на огражденном забором периметре народу набралось тьма-тьмушая. Было весело, озорно. Пили, судачили о том о сем у разведенных подручными средствами костров. Здесь царила атмосфера праздничного массового единения и веселого азарта. Многие уж и не думали ни о подарках, ни о царе-батюшке, просто балагурили, веселились, позабыв о своей нищете или непосильной, изнуряющей душу работе, и им было хорошо. А тем, кто, перебрав хмельного, уже примостился поближе к огню костра и уснул, наверно, было еще лучше. И Кузьма с Иваном не избалованы жизнью. В ночлежках тоже беспокойно, так что галдящая ходынская братия не помешала их сладкому сну.

Давно уж ночь опустилась над не на шутку загулявшей Москвой, а по ее улицам и подмосковным дорогам к Ходынке все шли и шли колонны людей – мужики и бабы, целые семьи, от мала до велика. Всем страсть как хотелось дармовых подарков, все жаждали повидаться с царем да царицею. И уже к пяти часам утра здесь началось столпотворение.

Пляски на гробах

Они проснулись одновременно, словно от толчка, с ощущением какой-то необъяснимой тревоги. Брезжил серый рассвет. Костры давно погасли. Лишь от их все еще тлеющих угольков тянулись вдоль поля сизые струйки дыма.

Зябко поеживаясь и потягиваясь, они поднялись с земли и огляделись по сторонам. Над полем навис густой туман, царило какое-то недоброе, тягостное затишье. Как и они, все вокруг повставали со своих насиженных и налаженных мест, и теперь по всему полю колыбалась однородная, плотная людская масса. Разжигаемое алкоголем и предвкушением предстоящего праздника веселье на лицах людей сменилось усталостью и еще не осознанной коллективной тревогой.

Народ продолжал прибывать, и теснота становилась все страшней, все невыносимей. Кузьме с Иваном пришлось крепко ухватиться за руки, чтобы толпа не оттеснила их друг от друга.

– Что ж это делается-то? – с изумлением и испугом пролепетал Иван. – Куды ж они все прут, ведь поубивают, подавят друг друга!

– Ох, чуяло мое сердце недоброе! – скрежеща зубами и едва держась на ногах, каким-то не своим, охрипшим то ли с ночи, то ли от ставшей невыносимой давки голосом пробормотал Кузьма. – Чую, будут сегодня многим вместо подарков гробы да могилы!.. Держись, Иван!.. И если случится, что потеряем мы друг друга, пробирайся поближе к краю, к оцеплению. Там спасение. А подарки...

Да хрен бы с ними, с подарками! Жизнь, она дороже всяких подарков, хоша и такая нескладная, как у нас с тобой...

– Ты что это такое мелешь! Что нам с тобой сделается! Ведь мы, босота, в огне не горим и в воде не тонем, так что ты как хошь, а я отседова без подарочков не уйду. Костью лягу, а свое заполучу!..

Долго мотались они так из конца в конец огромного поля во власти обезумевшей толпы, не в силах не то что противостоять этой людской стихии, но и просто пошевелить рукой. И вот одна из нахлынувших волн все же разъединила их, оторвала друг от друга. Кузьма что-то крикнул товарищу напоследок и скрылся из глаз. Иван ничего не смог разобрать сквозь вопли, стоны и рев все более озверевавшей толпы.

Люди голосили, если могли, обменивались зуботычинами, а если не могли, в бессилии и отчаянной злобе плевали друг другу в лицо. Одни грязно ругались, другие молились и плакали. Мужья тщетно старались защитить своих жен. Женщины, стараясь спасти в этой давке своих малых детей, поднимали их над головами толпы, и те пробирались по плечам людей к краю поля, к спасительным кордонам полицейских и солдат. Однако чаще всего, не достигнув спасительной цели, обессилев, падали, проваливались под ноги толпе и там находили свой конец. Трещали кости...

Люди топтались в крови раздавленных ими же людей, тех, кто только что стоял рядом, но оказался слабее и, не выдержав давки и духоты, сник, потерял сознание, сполз вниз, тут же став безликой, растерзанной, раздавленной тысячами ног массой. «Люди ходили по людям, смешивали их с землей, до неузнаваемости уродовали сапогами их лица». И он, Иван, ощущал, как ноги его ступают по еще живым, трепещущим телам упавших, невольно добывая их. Его бил нервный озноб, но он ничего не мог поделать, «хочешь не хочешь – шевели ногами, поспевай и блуждай в этом дьявольском хороводе вместе со всеми».

Его взгляд упирался то в грубо сколоченные ларьки с наглухо закрытыми витринами, то в длинные серые некрашенные строения сараев с обещанными угощениями, то в столбы с недоступными призами на их вершинах – сапогами, расшитыми рубахами, гармошками и самова-

рами, то в зловеще позванивающие под напором толпы карусели с дурацкими деревянными лошадаками. Но всем было не до того, тут сама смерть гуляла из конца в конец поля. Иван явственно ощущал ее дыхание у себя за спиной.

«Прав был Кузьма!» – подумал он. Где же теперь его товарищ? Жив ли, нет ли? Может, лежит сейчас где-то бездыханный и терзаемый, раздираемый в кровавые клочья толпой...

Вдруг в той стороне, где тянулись ряды палаток и ларьков, народ загомонил, зашумел. Море людей колыхнулось и хлынуло в ту сторону так неожиданно, что Иван еле устоял на ногах.

– Дают! Дают! – разнеслось по толпе. – Налегай, а то всем не хватит!..

«Видимо, из чувства самозащиты артельщики сами начали раздачу кружек и узелков на обе стороны сразу. Представленные самим себе, забытые теми, кто их посадил сюда, плененные толпою с обеих сторон, они, опасаясь за свою участь, стали кидать кружки во все стороны». И что тут началось!..

Давка стала еще сильнее. Плотнo спрессованная человеческая масса хлынула к палаткам, сметая все на своем пути, стариков, женщин и детей, под хруст сломанных ребер, раздавленных черепов, под предсмертные стоны и крики тех, кому не повезло, не хватило сил для того, чтобы выжить в этой безумной давке.

– Ой, убили! – заголосила баба. И смолкла, словно захлебнулась.

Буфетчики, совсем растерявшись, чтобы самим не погибнуть в этой устремившейся к ним толпе, решили бросать подарки как можно дальше, в самую гущу людей. И это усугубило трагедию. Люди в толпе стали драться за эти кульки, нещадно колотить друг друга, рвать волосы и выцарапывать глаза. Картина была жуткая.

С той стороны, где стояли палатки и ларьки, послышался скрежет и треск ломаемых досок. Это толпа, напирая, трупамн припертых к деревянным строениям и раздавленных ею людей сносила хлипкие временные постройки. Не прошло и десяти минут, как ларьки и палатки были сметены. Люди, давя друг друга, бросились среди их обломков собирать оказавшиеся в грязи, под их ногами, среди все растущих груд мертвых тел подарки.

«Только бы не упасть в этой сумасшедшей давке! Только бы удержаться на ногах! – с ужасом думал Иван. – Иначе – конец! А так хочется еще пожить...»

Он обратил свой взгляд к небу, ввысь, к белым, неподвижным и таким спокойным облакам, к голубому, высокому небу.

«Господи! Помоги мне, грешному, выжить в этом безумии! Услышь молитву мою, спаси и сохрани недостойного раба Твоего!»

Сорвавшаяся с места и неудержимо хлынувшая к ларькам толпа несла туда же и Ивана. Он почувствовал, как ноги его оторвались от земли, как хрустнули ребра...

«Вот и конец! – обреченно подумал он». Но нет, на этот раз все обошлось. Ноги опять коснулись земли, стало немного легче дышать, хотя теперь невыносимо болел бок. Он огляделся вокруг в поисках хоть какого-то выхода, спасения. Но вместо этого увидел, что стоит бок о бок с бездыханной старушкой. Судя по ее бледному, без единой кровинки лицу, она давно уже, не выдержав давки, отдала Богу душу. Но плотная толпа так и носила ее остывающий труп из конца в конец поля.

«Бедная! – подумал Иван. – За что? Зачем? Ради чего?..»

А вокруг творилось что-то невообразимое. «Стоял такой ужасный крик высокими нотами ненависти, отчаяния и плача, что в ушах он отдавался бесконечным пронзительным свистом, от которого ползали мурашки по спине, темнело в глазах...

Слышно было, как хрустят кости и ломаются руки, хлюпают внутренности и кровь».

Он и сам почти терял сознание, изнемогая от усталости, боли в боку и нестерпимой жажды. Уже не думая ни о каких подарках, напрягая последние силы, старался пробиться поближе к краю толпы. Его били, толкали, щипали и даже кусали, но он упрямо продвигался

вперед, туда, где время от времени мелькали шинели полицейских и слышался возбужденный храп лошадей.

А задние все напирали и напирали. И вот уже крайние ряды посыпались с обрыва в глубокий ров, застилая его слой за слоем изуродованных, раздавленных, мертвых или еще стонущих тел. Стоявшие в оцеплении солдаты и полицейские были бессильны предотвратить это смертоубийство. Обезумевшая толпа была неукротима, люди не воспринимали ни окриков, ни ударов нагайками и дубинками, ни предупредительных выстрелов в воздух. Поэтому стражи порядка старались хотя бы не допустить на площадь все еще стекающиеся с разных сторон новые колонны алчущих людей.

Иван понимал, что там, за линией оцепления, его единственный спасительный шанс. Напрягая последние силы, он упрямо пробирался к краю поля. Сколько времени прошло в этой борьбе за жизнь, он не мог бы сказать, потому что порою миг казался вечностью, а порою и вовсе представлялось, что время остановилось, что нет ничего, кроме этого бесконечного, безбрежного месива тел.

Наконец с удивлением и недоверием он почувствовал, что этот живой плен, в котором он оказался, начинает ослабевать, что дышать становится легче, а душераздирающие стоны и крики о помощи уже не окружают его со всех сторон, а теперь звучат глухо, издалека. И вот до спасительной черты осталось совсем немного, всего несколько шагов. Он видел, как конные полицейские выволакивают из толпы полуживых людей, как эти люди, задыхаясь, харкая кровью, в полуобморочном состоянии плетутся прочь.

Но вот настал и его черед. Он ухватился за протянутую ему конным полицейским руку и, собрав последние силы, рванулся, чтобы выбраться из этой живой, трепещущей, не желающей отпускать его людской массы.

Оказавшись на свободе, Иван, вместе с другими счастливыми, спотыкаясь и падая, пробежал несколько шагов и, с трудом удерживая сознание, упал на траву. Теперь он с наслаждением полной грудью вдыхал свежий воздух, пьянея от него, как от вина. Он рвал молодую травку и жадно жевал ее, чтобы хоть немного утолить нестерпимую жажду.

Когда спустя какое-то время Иван наконец немного пришел в себя, то обратил взор свой к синему, безоблачному и такому спокойному, умиротворяющему небу.

«Спасибо тебе, Господи! Не оставил, спас от неминуемой, страшной смерти в этом людском месиве!» – в исступлении шептал он. И слезы текли по его лицу...

Наконец, немного отдышавшись, Иван огляделся по сторонам. Все пространство вокруг было усеяно людскими телами. Кто жив, а кто мертв, определить было невозможно. Теньями двигались те, кто только что выбрался из толпы. У некоторых из них в руках были пестрые узелки с заветными царскими подарками.

«Дорого же они вам обошлись!» – подумал Иван.

Его нещадно томила жажда. Он облизал сухие, потрескавшиеся губы. Ужасная слабость снова накатила на него.

– Вижу, совсем плохо тебе, – услышал он рядом чей-то голос. – Главное, чтоб кости были целы. А синяки да шишки – это ерунда. Нам не привыкать...

Иван обернулся и увидел лежащего рядом с ним на земле человека, лицо его представляло собой сплошную кровавую массу. Человек тяжело, с хрипом дышал, а его правая рука была неестественно вывернута. В другой руке он держал бутылку вина, а у его ног валялся развязанный узелок, из которого на землю высыпалось все его содержимое. Мужик сделал глоток из бутылки и протянул ее Ивану.

– Накось, хлебни, может, полегчает... Мне-то уж, видать, ничто не поможет. Всю внутреннюю отдавили, все косточки поломали. Чую, не жилец я... А все потому, что на этот... – он взглянул на грязный, изодранный узелок, – на это дерьмо позарился. Царских подарочков

захотел. Вот и получил от царских щедрот билет на тот свет. Так что прощевай... Как тебя звать-то, мил человек?

– Иваном кличут. Да ты брось, не причитай, еще поживешь, покоптишь небушко. Мы, голь, живучие! – неуклюже попытался успокоить незнакомца Иван.

– Нет уж, Ваня, чую, как силы мои, сама жисть от меня уходит.

Это было последнее, что сказал мужик. Он захрипел, горлом пошла кровь, глаза его страшно закатились.

– Эй, мужик, ты что?! Помер, что ль? Я ж даже имени твоего спросить не успел. За кого теперь свечку поставить!..

Иван сделал глоток, другой, дешевое вино обожгло горло, и ему стало немного легче.

«А что же Кузьма, жив ли? Или тоже кончил здесь свою жисть? – вдруг подумал он. Казалось, целая вечность прошла с тех пор, как толпа разъединила их. – Может, и он лежит теперь где-то бездыханный, истоптанный, вот так же, как этот мужичок, изуродованный до неузнаваемости тысячами ног...»

И ведь ничем не помочь ему теперь. Не отыскать, не спасти. А может быть, он там, в этой обезумевшей толпе, все еще борется за свою жизнь или, того лучше, как и он сам, уже вырвался на свет Божий и лежит себе, отдыхает на молодой травке...

Что ж, делать нечего, надо убираться отсюда подобру-поздорову. А то скоро и здесь начнется мясорубка».

Он встал и, словно на прощанье, махнув рукой этому умолкшему навеки мужику, поплелся к шоссе.

Иван понуро, едва передвигая ноги, тащился в толпе таких же, как он, счастливых, которым удалось выбраться из этого страшного плена толпы. Некоторые из них даже несли добытые в смертельной схватке «сокровища» – узелки с царскими подарками. А навстречу им, к месту массовой давки, прорывались новые отряды полицейских, пожарные машины, тянулись пустые подводы, очевидно, предназначенные для вывоза раненых и трупов со злополучной Ходынки.

Не глядя по сторонам, дрожа всем измятым, изломанным телом и бормоча что-то себе под нос, Иван не заметил, как прошел через весь город и оказался в своей обезлюдившей днем ночлежке, на своей койке. А оказавшись здесь, он отвернулся к стене, накрылся с головой каким-то тряпьем и закрыл глаза.

Все это злополучное утро от Ходынского поля к городу тянулись подводы, груженные убитыми и ранеными. Больницы и морги были быстро переполнены. Плач и стон стояли по Москве, по всем подмосковным деревням и селам. Высокие полицейские чины утверждали, что в этой давке погибло около полутора тысяч человек и столько же получили тяжелые увечья. На самом же деле численность пострадавших была преуменьшена как минимум втрое. Не вошедшие в отчеты безымянные жертвы полицейские и солдаты под покровом ночи тайно свозили на Ваганьковское и другие кладбища и закапывали скопом в братских могилах. Здесь были беспаспортные сельские бедняки, рабочий люд с московских заводов и фабрик, босяки из многочисленных московских ночлежек. Кто их хватится, кто станет искать – так зачем же их и считать!

Узнав о произошедшем из доклада великого князя Сергея Александровича, Ники поморщился, словно от зубной боли.

– Как же так! Этой Ходынкой вы испортили мне такой праздник! Что будут теперь говорить наши зарубежные гости, что напишут газеты? Уверен, что эти всюду сующие свой нос шелкоперы наверняка уже строчат мерзкие статейки в свои гадкие газетенки. Значит, так. Делайте что хотите, но чтобы ни одна газетная шавка не посмела протягивать о том, что произошло.

Действуйте, действуйте, князь!..

Большинству газет удалось заткнуть рты. А тиражи тех, что посмели послушаться и напечатать на своих страницах об этом трагическом событии, были арестованы. Но правды утаить все же не удалось.

«Не только вся Москва, вся Россия оцепенела от ужаса. Это была трагедия, в которой многие увидели страшное предзнаменование. От нового царя ожидали, что он отменит затянувшиеся празднества, назначит комиссию по расследованию этого преступления, распорядится об аресте нерадивых организаторов, виновных в произошедшем, ждали, что он выступит перед народом со словами скорби. Однако ничего этого не произошло».

Несмотря на произошедшую трагедию, Ники с Аликс все же решили отправиться на Ходынку. Не ломать же столь тщательно разработанную программу! Они уже собрались выходить, когда задребезжал телефонный аппарат. Ники взял трубку и услышал бодрый, ему показалось, даже веселый голос великого князя Сергея Александровича.

– Государь! – возбужденно кричал он в трубку. – Спешу доложить, что все последствия ночного происшествия ликвидированы. Поле полностью расчищено от трупов и мусора для открытия народных гуляний. Полиция и войска восстановили порядок и контролируют ситуацию. Почетные гости продолжают прибывать.

– Хорошо, хорошо... Какие настроения в народе?

– Народ веселится и ликует в трепетном ожидании ваших величеств.

– Мы скоро будем, – коротко бросил Ники, все еще сердясь на своего родственника за, как он считал, досадную промашку, в сердцах швырнув трубку на рычаг телефонного аппарата. Достав из жилетного кармана золотой брегет фирмы «Павел Буре», щегольски щелкнул крышкой. – О, скоро двенадцать! Как, однако, летит время...

Ровно в полдень императорский кортеж тронулся в путь.

Омытая кровью, Ходынка встречала императорскую чету громогласным «Ура!».

Оркестр под управлением модного в то время дирижера Сафонова грянул «Боже, царя храни!».

Великий князь Сергей Александрович помог Ники и Аликс выбраться из кареты и проводил их до царского павильона, где уже собрались почетные гости. Взобравшись на трибуну, Ники помахал в толпу рукой.

– Здравствуйтесь, братцы! Спасибо, что пришли! Празднуйте, веселитесь, ешьте, пейте! Я, ваш государь, приветствую и угощаю вас на этом поистине всенародном празднике!..

Он замолчал, не зная, что сказать дальше. Посмотрел на Аликс, словно ища у нее подсказки. И вдруг продолжил – ни к селу ни к городу:

– А вот и супруга моя. Теперь и она стала императрицей российской, вашей... матушкой. Так что вы уж слушайте и почитайте ее, как меня самого... Вот... – говорить он был не мастак и потому снова замялся, обдумывая, чем бы поскорее завершить свою нескладную речь. – И чтоб безо всяких этих... Чтоб все было как положено... Выпейте чарку-другую за меня, за нас, за всю нашу великую Россию!..

На этом его обращение к народу закончилось. И ни слова скорби или сочувствия, словно и не было этой страшной ночи. Он вытер белоснежным платком вспотевший от напряжения лоб и быстро ретировался.

Великий князь Сергей Александрович взмахнул рукой, и по его сигналу снова грянул оркестр.

«Слався!..» – подхватил многоголосьем хор Большого театра.

И завертелись в стремительном вихре карусели, завизжали бабы и девки, взлетая на качелях, казалось, под самое синее небо, ловкие, мускулистые парни, скинув рубахи, сапоги и лапти, наперегонки полезли на скользкие, отполированные до блеска столбы, на вершинах

которых болтались заветные царские призы – самовары, гармоники, полушубки и прочие не менее полезные в хозяйстве вещицы.

Водка, вино, хмельное пиво полились рекой. Закипела, забурлила, весело загомонила толпа. Эх, распахнись душа! Сам царь-батюшка пожаловал на народный праздник! А те, кому не повезло, которые не дожили и теперь... там... стынут в моргах, на погостах, умирают дома или на больничных койках, они простят. Их отпоют, отмолят в московских храмах и сельских церквях, отплачут, отпричатуют жены, матери и дети. Им теперь хорошо, много лучше, чем этим, беснующимся на площади, ведь теперь они уже в горней Божьей обители, и праздник для них не закончится нынешним днем, и дары Господа намного щедрее царских.

А царский павильон опустел. Недосуг знати задерживаться на одном месте. У них и нынче забот полон рот. Высокопоставленные гулянки по случаю коронации продолжились вечером в Кремлевском дворце. А ближе к ночи всем гуртом отправились на прием к французскому послу графу Монтебелло.

«Посол по жене был весьма богатый человек, как по этой причине, так и по своим личным качествам, а в особенности по качествам своей жены, он был очень любим в высшем обществе. Бал должен был быть весьма роскошным; конечно, на балу должен был присутствовать государь император с императрицею... Многие советовали государю просить посла отменить этот бал или во всяком случае не приезжать на этот бал, но государь был с этим мнением не согласен, по его мнению, эта катастрофа есть, конечно, несчастье, но несчастье, которое не должно омрачать праздник коронации; ходынскую катастрофу нужно в этом смысле игнорировать».

Бал был и правда великолепен.

Вот что значит Европа! Вот какова Франция! А уж эти французы – такие душки!.. – долго судачили потом те, кому посчастливилось побывать на этой аристократической гулянке.

Бал открылся контрдансом. Ники лихо отплясывал с посольской супругой – графиней Монтебелло. Ему не уступала Аликс, которую очаровывал галантный, пахнущий парижским парфюмом сам французский посол.

– Ах, шармант, шармант!..

– О, мон шер, мон шер...

Ники остался доволен тем, как прошел этот день. Ночная трагедия не смогла его омрачить и не испортила настроения. По обыкновению, заполняя к ночи свой дневник, он записал:

«До сих пор все шло, слава Богу, как по маслу, а сегодня случился великий грех. Толпа, ночевавшая на Ходынском поле, в ожидании начала раздачи обеда и кружки наперла на постройку, и тут произошла страшная давка... Отвратительное впечатление осталось от этого известия. В 12 ½ завтракали, и затем Аликс и я отправились на Ходынку на присутствие при этом печальном “народном празднике”. Собственно, там ничего не было; смотрели из павильона на громадную толпу, окружавшую эстраду, на которой музыка все время играла гимн и “Славься”. Переехали к Петровскому, где у ворот приняли несколько депутатий и затем вошли во двор. Здесь был накрыт обед под четырьмя палатками для всех волостных старшин. Пришлось сказать им речь, а потом и собравшимся предводителям дворянства. Обойдя столы, уехали в Кремль. Обедали у Мама в 8 ч. Поехали на бал к Монтебелло. Было очень красиво устроено, но жара стояла невыносимая. После ужина уехали в 2 ч.»

Стон Ходынской катастрофы пронесся над всей страной. Миллионы простых людей увидели в ней мистическое предзнаменование страшных событий в грядущее правление нового императора. Народ не простил того, что молодой царь не преклонил голову над могилами погибших на Ходынке, ставшей для них смертельной ловушкой, не простил и запомнил надолго его глумливые танцельки под омаров и шампанское на свежих гробах своих подданных. Это тогда, с первых дней его правления, он получил в народе титул Николая Кровавого, который впоследствии, вольно или невольно, подтверждал раз за разом.

А на самом верху, в аристократических и чиновничьих кругах, приближенных к царской власти, разгорелась не шуточная схватка противоборствующих придворных группировок. Трагедия стала почвой для разного рода светских интриг. Началась жестокая ссора между полицией, которая отвечала за обеспечение порядка на ходынском гулянье и министерством двора, организовывавшим все коронационные церемонии, в том числе и на Ходынке. А так как действия полиции и обустройство Ходынского поля курировал генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович, кровный родственник молодого императора и к тому же еще и муж сестры императрицы, а министром двора был граф Воронцов-Дашков, представитель одного из древнейших родов и авторитетнейшая среди московской знати фигура, то борьба разгорелась не на шутку.

Чья же чаша весов перетянет, кто окажется сильнее? – Такая увлекательная и такая азартная аристократически-чиновничья игра!

«И пошла, как говорится, писать губерния. Наверху высшие чиновники начали делиться на партии; одна партия за Воронцова-Дашкова, за министра двора, который, как известно, пользовался особым благоволением матери императора, вдовствующей императрицы Марии Федоровны, которая в то время имела еще очень большое влияние на государя. Поэтому одна партия утверждала, что здесь министерство двора ни при чем, что виновата в катастрофе исключительно московская полиция, а другие почли более для себя выгодным пристать к партии великого князя Сергея Александровича и потому утверждали, что великий князь и его полиция тут ни при чем, а вся вина падает исключительно на чинов министерства двора.

В это время, впрочем, многие сановники находились в недоумении, на какую сторону стать: на сторону ли московского генерал-губернатора или на сторону министра двора, так как они еще себе не отдали ясного отчета, кто будет иметь более влияния на Императора: вдовствующая Императрица-мать или Великий Князь Сергей Александрович, женатый на сестре молодой Императрицы».

В результате эта ссора благородных князей закончилась ничьей. Виновным, как и прежде, и потом часто бывало, был назначен стрелочник – простолюдин обер-полицмейстер Власовский, поплатившийся своей хлебной должностью.

«Таким образом, дело было заглушено».

А бедный Кузьма так и стигнул в одной из безымянных братских могил вместе с другими несчастными жертвами незадачливых организаторов Ходынки.

«Да будет земля ему пухом...» – еще долго вздыхал по ночам его закадычный товарищ Иван.

Черная женщина

Шли годы... Поначалу Аликс не очень лезла в дела государственные. Ники царствовал, неторопливо вживаясь в новую для него роль. Принимал министров, предпринимателей, банкиров и парады. Подписывал бумаги, открывал памятники и балы, продолжая папенькину традицию, ездил на охоту, чтоб напиться там до чертиков. Играл в карты, посещал любовниц и нянчил дочерей, которых Аликс рожала ему одну за другой. Шли годы, однако, как ни усердствовали они с Аликс, никак не получалось у них с наследником, что очень огорчало обоих.

Это была самая болезненная проблема для супружеской четы и для всей многочисленной семьи Романовых. Вот уж сколько лет прошло с тех пор, как они вместе, что ни год, Аликс, словно кошка, ходит на сносях, а на свет появляются одни девчонки. И вот беда, как ни старается, не может разродиться наследником престола. Уж и доктора, и знахари, и колдуньи всех мастей бились над ней как могли, а все без толку. Не помогали ни снадобья, ни травки, ни колдовские заклинания.

– Ты знаешь, сегодня у меня была Милица, – однажды загадочно прошептала Аликс в постели.

– И что же? – сонно спросил Ники. – Она у тебя, почитай, каждый день бывает...

– Да ты не спи, послушай, что я хочу тебе сказать, – растормошила Аликс спящего супруга. – Мы долго с ней беседовали. По моей просьбе она гадала на картах Таро, и они рассказали, что очень скоро я наконец подарю тебе наследника.

– Милица... Карты Таро... Может, и правда, на этот раз все сложится?... – пробормотал Ники и отвернулся лицом к стенке.

Милица – дочь черногорского короля Николая Негоша, супруга великого князя Петра Николаевича – была страстной любительницей оккультной литературы. В придворных кругах ее побаивались и шептались, что, начитавшись этих вредоносных книг, она овладела черной магией и теперь, с этими знаниями, ей ничего не стоит навести на человека порчу и – о, ужас! – даже свести его в могилу. «Черной женщиной» знатные дамы называли ее за глаза и старались по возможности поменьше с ней общаться и уж точно не ссориться.

Зато Аликс, с ее неустойчивой психикой, будучи и сама еще в юности заражена мистицизмом, почувствовав в Милице родственную душу, приблизила ее к себе и готова была часами быть с ней в уединении, читая вслух «черные книги», слушая бредовые рассказы черногорки или гадая на воске, кофе или картах.

Милица, успешно освоившая приемы внушения, с течением времени все более погружала свою царственную подругу в мрачный мир призраков, колдовства и средневековых суеверий, чем изрядно подорвала ее и без того нездоровую психику.

В результате в слабой головенке царицы супруги, навсегда так и оставшейся чуждой православным традициям русского народа, под влиянием чертовских проповедей черногорки образовалась такая каша, что окружающие только диву давались, почему император не запретит ей раз и навсегда общение с этой колдуньей, да и с другими подобными шарлатанами, и не определит на попечение хороших психиатров. Однако Ники и сам все больше попадал под влияние чар черногорки, а точнее, ее красивых черных глаз и аппетитных форм. Злые языки поговаривали, что, когда им доводилось оставаться наедине, занимались они вовсе не гаданием на картах или кофейной гуще, а совсем другим, более приятным делом.

И вот Милица, став для обоих супругов дорогой и желанной, начала таскать во дворец одного за другим «колдунов», «прорицателей», «ясновидцев» и «народных целителей». Где уж она их выискивала, в каких темных притонах, в какой российской или европейской глухомани – даже трудно представить.

Поначалу пред светлые очи императрицы был представлен некий Митя, найденный ею где-то под Козельском и прозванный за нечленораздельную и совершенно лишённую смысла речь Гугнивым. По описанию царской охраны, на всякий случай установившей за ним слежку, он носил «длинные, распущенные волосы, ходил круглый год босиком, опираясь на посох. Одет был в рясу монашеского покроя». Те, кому доводилось близко пообщаться с ним, называли его просто идиотом. Но царской семье Митя-Гугнивый, видимо, своим интеллектом вполне соответствовал.

Ники очень любил побеседовать с ним по душам.

Когда душеспасительные беседы со слабоумным Митей наконец наскучили царской чете, а никаких чудес он так и не совершил, он был бесцеремонно изгнан из царских чертогов. Однако шустрая Милица вскоре нашла ему «достойную» замену, торжественно приведя во дворец Матрену-Босоножку.

Одетая в полуистлевшее, пропахшее потом рубище, она шастала по дворцовому паркету, мелко-мелко семеня своими босыми, немтыми ножонками, при этом то и дело выкрикивая какие-то заклинания. Матрена-Босоножка подолгу пребывала в спальне Аликс и Ники, расовывая по углам, под перины и подушки царского ложа замусоленные тряпицы, щепочки, камушки и куриные перья, обещая императрице, что от этих тряпочек и перышек она обязательно вскорости забеременеет и разродится наследником трона.

Но время шло, а Аликс ну никак не беременела ни от Матрениных тряпочек, ни от перышек. Так что и Матрене-Босоножке пришлось убираться из дворца восвояси. А Аликс впала в очередную депрессию. Она почти не выходила из своей половины дворца, объявила нерадивому Ники бойкот, надолго не подпуская его к своему высочайшему телу. Целыми днями она валялась в постели с мокрым полотенцем на лбу и горячей грелкой в ногах. Так что бедному Ники пришлось ютиться на холодном кожаном диване в своем прокуренном и пропахшем коньяком кабинете.

Милица, видя, что ее влияние на императрицу катастрофически падает, сбилась с ног в поисках нового чудотворца для Аликс. А решение ей подсказал не кто иной, как супруг – великий князь Петр Николаевич. Как-то раз, за утренним кофеем листая парижские газеты, он наткнулся на забавный фельетон о завзятом аферисте месье Филиппе, гастролирующем по всей Европе под видом предсказателя будущего и врачавателя всех существующих и даже не существующих в природе недугов.

– Ты знаешь, дорогая, я, кажется, нашел для твоей подруги очередную игрушку. Вот послушай-ка...

Газета писала, что некий месье Назьер Вашоль, именующий себя предсказателем и врачевателем, утверждает, что способен запросто общаться с потусторонним миром, беседовать с умершими, выведывая у них информацию о будущем, о судьбах людей, а также с их благосклонной помощью выполнять различные просьбы и пожелания своих подопечных, в том числе и самого деликатного характера.

Далее в газете сообщалось, что за время своих гастролей этот самый месье Филипп за надувательства своих клиентов был неоднократно бит, но Петр Николаевич не стал в эти детали погружать свою супругу. Зачем же портить впечатление об очередном потенциальном любимце императрицы!

– Какой же ты у меня умница, Петруша! – в восторге воскликнула Милица, когда супруг кончил читать. – Но как же нам заполучить эту знаменитость?

– Я полагаю, это не составит большого труда. Все эти шарлатаны... Извини, дорогая, я хотел сказать, все эти чародеи и маги обычно нуждаются в деньгах и стоят, я думаю, не очень дорого. Я сегодня же распорядюсь, чтобы его как можно скорее доставили к нам в Петроград. А дальше уж – твоя забота. Подсунешь сей парижский товар под нос этой дуре.

– Зачем ты так, Петруша! Я ее очень люблю, и она во мне тоже души не чает. Она ведь здесь так одинока!

– Ну-ну, ты там не очень... Поосторожней с любовью. А то ведь весь Петроград судачит о ее, как бы это поприличней выразиться, весьма необычных пристрастиях.

И вот месье Назьер Вашоль уже в Петрограде. Но встреча с императрицей еще не состоялась. Милица пока обкатывает приезжего чудодея по модным салонам столичной знати. Надо же, чтобы о нем заговорили в светском обществе. И заговорили.

Это был «человек около пятидесяти лет, маленький, черноволосый и черноусый, с ужасным южнофранцузским акцентом. Он толковал о падении религии во Франции, на всем Западе... – брезгливо отзывался о нем великий князь Константин Константинович, поражаясь его плебейским манерам. – Когда прощались, он попытался поцеловать мне руку, и я с трудом ее вырвал».

– Какой жалкий, дремучий, никчемный человечешко! – поделился князь своими впечатлениями о заезжем французике с княгиней Юсуповой.

Однако на Ники и особенно на Аликс этот тип произвел совершенно иное впечатление. Видавший виды, битый жизнью и людьми, месье Филипп с первой встречи с ними понял, что напал на золотую жилу, что в лице Ники и Аликс он имеет дело с натурами мистически одержимыми и духовно жалкими, а значит, совершенно беззащитными перед его хорошо отработанными приемами. И в последующем общении с ними он успешно использовал весь свой арсенал циркового фокусника. Очень скоро Ники и Аликс, словно подопытные кролики, оказались под его абсолютным влиянием. Придворные кто с насмешкой, кто с ужасом наблюдали за очередной разыгрываемой трагикомедией, главными действующими лицами которой были царственная чета и заезжий шарлатан.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна, всегда недолюбливавшая Аликс, была до глубины души возмущена тем, что не только она, но и ее сын принимают во дворце очередного афериста, выставляя на посмешище и себя, и всю романовскую семью. И вот втайне от сына она дала поручение департаменту полиции через свою агентуру в Париже накопать побольше компромата на этого балаганного фокусника.

И очень скоро выяснилось, что над этим шарлатаном уже давно потешался весь Париж. Журналисты наперебой высмеивали его в газетах, а в приличных домах считалось дурным тоном даже упоминать его имя. А еще французские газеты писали, что месье Филипп в последнее время стал фаворитом совершенно потерявшей рассудок по причине неспособности родить наследника российского трона императрицы Александры Федоровны.

Читая донесение своего агента, перелистывая кипу французских газет, разоблачающих шарлатана и высмеивающих русскую императорскую чету, Мария Федоровна то безудержно хохотала, то хваталась за сердце.

«Нет, пора с этим кончать!» – решила она и на следующий же день нанесла визит своему Ники.

Несмотря на его протесты, Мария Федоровна рассказала ему обо всем, что она узнала о Филиппе, выложив перед ним на стол подборку французской прессы и в гневе потребовав немедленно изгнать из дворца взашей этого жалкого французишку.

– Я обязательно сегодня же все эти газеты передам Аликс! И в самое ближайшее время отправлю Филиппа назад, в Париж, – под впечатлением от увиденного и услышанного пообещал Ники.

Он и правда попытался было серьезно поговорить со своей благоверной о том, что хорошо бы избавиться от Филиппа, но Аликс устроила ему такую истерику, что ее милый, но совершенно безвольный муженек тут же с позором сдался.

И все же, чтобы не дразнить общественность и в очередной раз не сердить Марию Федоровну, Аликс и Ники стали встречаться с Филиппом тайно, и не во дворце, а в доме Милицы.

Филипп, как и все предыдущие шарлатаны-прорицатели и псевдоцелители, держался при дворе тем, что обещал Аликс скорую беременность и рождение наследника. В этом его якобы заверил сам покойный Нострадамус, с которым он имел случай пообщаться.

И – о, чудо! Аликс вдруг на самом деле начинает чувствовать, что отяжелела. Ее живот пухнет прямо как на дрожжах. Проходит несколько месяцев. Слух о том, что императрица на сносях и вот-вот разродится наследником, облетел всю страну. Все с нетерпением ждут того дня, когда же наконец свершится сотворенное Филиппом чудо... Но вместо этого наступает день великого конфуза. Беременность оказывается мнимой, мыльным пузырем, затянувшимся бредом истеричной особы.

– Просто жрать надо было меньше, хренова дура! – с расстройства напившись до чертиков, разразился ругательствами Ники.

«Путем гипнотизирования Филипп уверил императрицу, что она беременна. Поддаваясь таким уверениям, она отказалась от свидания со своими врачами, а в середине августа призвала акушера Отта лишь для того, чтобы посоветоваться о том, что она внезапно стала худеть. Отт заявил, что она и не была беременна... Объявление об этом было сделано в “Правительственном вестнике” весьма бестолково, так что во всех классах населения распространились слухи, что императрица родила урода с рогами, которого пришлось придушить, и т. п. Такой эпизод не поколебал, однако, доверия императорской четы к Филиппу, который продолжает в их глазах быть превосходным и вдохновенным человеком... Все это было бы смешно, если бы не было столь грустно».

Великий князь Константин Константинович, нанеся визит к Марии Федоровне, сетовал: так дальше продолжаться не может, с этим надо что-то делать! «Их Величества впали в мистическое настроение... Прodelки Филиппа навлекли на императорскую чету всеобщее посмеяние и поругание».

Терпение семьи Романовых лопнуло, они единодушно восстали против продолжения идиотских мистических оргий Ники и Аликс. Однако романовское восстание было решительно подавлено. Императрица послала родственников мужа с их протестом куда подальше. И даже в пух и прах разругалась с собственной сестрой Эллой, когда та назвала Филиппа мелким жуликом, от которого следует как можно скорее избавиться.

Избавление от чар Филиппа и благословение на рождение наследника приходит оттуда, откуда его совсем не ждали, – из российской глубинки, из Дивеевского монастыря, где жил и молился за всю Русь великий святой Серафим Саровский.

В отчаянии от того, что наследника как не было, так и нет, царская чета со всею своею свитой совершает паломническую поездку в Дивеевский монастырь. Помощь святого Серафимушки – последняя надежда Ники и Аликс на рождение наследника. Они усердно молятся, взывая к помощи святого, припадают к его иконам и мощам, молят о наследнике у камня, где святой возносил свои молитвы к Господу. И чудо свершилось. Ровно через год у них родится мальчик. Они нарекают его Алексеем.

Радость переполняет их сердца. Ликуй, Россия! Скрежещите с досады зубами, злопыхатели и недоброжелатели всех мастей! Род Романовых продолжается, род Романовых бессмертен.

Однако радоваться пришлось недолго. Очень скоро выяснилось – наследник неизлечимо болен, у него гемофилия, несворачиваемость крови, болезнь, при которой каждая, даже самая незначительная царапина может стать роковой, лишить столь долгожданного младенца жизни. Этой наследственной болезнью, причиной которой являются порочные любовные отношения, кровосмешение, столь распространенные в «просвещенной» Европе, наследника «наградил» Аликс. По существу, несчастный мальчик был обречен матерью еще до рождения, так как гемофилия, передаваемая по женской линии ее рода, из поколения в поколение обрекала сыновей принцесс Гессен-Дармштадтских на неминуемую гибель.

А ведь знала же она, эта заезжая стерва, о своей болезни, когда всеми правдами и неправдами втиралась в царскую семью, и предательски молчала! Очень уж хотелось стать императрицей великой России.

Скоро всем стало ясно – не быть царевичу Алексею самодержцем земли русской. Не доживет бедный мальчик до восшествия на трон. Но какая мать, какой отец не надеется на чудо, когда дело касается любимого чада...

Месть самураев

И западные, и восточные соседи, и большие, и маленькие правители всегда пристально и пристрастно следили за событиями в России, стараясь предугадать и предупредить ее ходы на шахматной доске международной политики. Для них всегда было жизненно важно знать, чего можно ждать от очередного ее самодержца – мира или войны, открытого дружелюбия или тайной неприязни, поддержки и защиты или неожиданного нападения и завоевания.

Древний, мудрый Восток раньше ограниченного, эгоцентричного Запада раскусил личность последнего российского самодержца, понял, что это за фрукт и насколько он им по вкусу и по зубам. Правители Страны Восходящего Солнца первыми поняли, что современная Россия, расплывшаяся почти на целый континент, аморфная вследствие почти бесконечности своей территории и слабая в военном отношении, не представляет для них серьезной угрозы и не способна помешать осуществлению их амбициозной программы строительства Великой Японии. И начали активно претворять ее в жизнь.

Японцы веками ненавидели своих соседей – жителей Поднебесной, завидуя им во всем – в территории, плодородии земель, богатой истории, добрососедских отношениях с великой евразийской соседкой. Они издавна покушались на китайские земли и во все времена скалили зубы, выжидая момента, чтобы откусить от них какой-нибудь лакомый кусок. И отхватили-таки. А заодно «прикарманили» и беззащитную, маленькую Корею.

Понимая, что этим дело не кончится, что в одиночку своего извечного врага им не одолеть, китайцы обратились за помощью к России. Что ж, и России полезно было укрепить свое присутствие и влияние в этой части света. К тому же и набирающие силу русские промышленники толкали политиков и вояк на Дальний Восток, чтобы начать освоение его природных богатств. А те, будучи щедро простимулированы, в свою очередь, прожужжали все уши императору о необходимости строительства железной дороги, которая связала бы эти глухие, но щедро одаренные природой земли с Центральной Россией. И наконец-таки убедили его. А там уж и до Китая рукой подать! Русский медведь проснулся, вылез из берлоги и тоже ломанулся в Китай. Так, в пику япошкам, в 1896 году был подписан русско-китайский договор о военном союзе против Японии.

Между Россией и Китаем завязывается прямо-таки нерушимая братская дружба. Совместных планов – громадье! Во-первых, началась реализация гигантского проекта строительства Китайско-Восточной железной дороги. Во-вторых, китайские правители щедрой рукой (не без выгоды, конечно, для себя) аж на целых четверть века отписали в аренду царской России незамерзающие порты своего Ляодунского полуострова – Порт-Артур и Дальний. И, наконец, в знак благодарности за помощь русских солдатиков в подавлении восстания гнусных бунтовщиков ихэтуаней в Маньчжурии, позволили доблестным русским войскам на всякой пожарный случай там и остаться. Мало ли что еще может взбрести в мятежные головы этих ихэтуаней! А при наличии здесь ограниченного контингента российских войск не особенно-то забалуешь!

Закипела работа. Со всех концов матушки России потек в эти китайские земли ратный да работный люд. Начали обустриваться полученные в аренду порты, строиться укрепления, военные городки. Через моря-океаны прибыли и пришвартовались в Порт-Артуре и Дальнем русские военные корабли, через всю страну потянулись стальные нити новой железнодорожной магистрали. И через несколько лет уже было открыто регулярное движение поездов. К несметным богатствам Сибири и Дальнего Востока понеслись составы, везущие армии старателей, инженеров, купцов, доставляющие различное оборудование и технику. Одновременно началась массивная переброска войск на арендованные у Китая земли. Втайне Россия совсем не собиралась по истечении арендного срока уходить с так легко доставшихся ей территорий.

Однако, вот незадача, на эти же лакомые куски давно уже глаз положила Япония, считавшая, что она имеет в этом азиатском регионе гораздо больше прав, чем какая-то азиатская Россия.

Японские самураи облизывались от зависти и скрежетали зубами от злобы, однако сколько ни скрежещи, а на русского медведя с самурайским мечом не попрешь. Для решительной схватки нужно серьезно вооружаться. Как водится, в этих кознях Японию не преминули поддержать заклятые друзья России Англия с Америкой. Дали и денег, и оружия, и снарядов с патронами. И даже самых современных кораблей понастроили в кредит. Только бы столкнуть Японию с Россией, лишь бы ослабить обе державы в кровопролитной бойне. А там, глядишь, без особых усилий и потерь занять главенствующее положение в этом аппетитном уголке земного шара.

И вот, нарастив мышцы, Япония идет ва-банк.

Недобрым утром 24 января 1904 года японский посол, записавшись на прием к министру иностранных дел России Ламздорфу, самым наглым образом ошарашивает его, вручая ноту о разрыве дипломатических отношений. Пока тот растерянно хлопает глазами, думая, что бы этакое дерзкое сказать этому нахалу, церемонно раскланявшись, исчезает. Тем же вечером вместе со всей своей семьей, челядью и многочисленной шпионской братией он покидает Петроград.

Обескураженный столь неожиданным и коварным выпадом япошек, Ламздорф спешит доложить о сем событии императору. Как-то он воспримет это пренеприятнейшее известие!.. Однако волновался он напрасно. Ники был невозмутим.

– Ну и хрен с ними, с этими чертовыми самураями! Это они бесятся, мстят нам за нашу дружбу с китайцами, за Порт-Артур и Дальний. Не очень-то нам и нужны эти самые дипломатические отношения. Если надо будет, мы с ними поговорим по-другому: языком наших корабельных и крепостных орудий.

Орудия загрохотали намного раньше, чем Ники предполагал. Уже через два дня. И не русские, а японские. Без объявления войны темной ночью, да еще под прикрытием тумана, японские миноносцы подошли вплотную к внешнему рейду Порт-Артура и восемью миноносцами провели торпедную атаку кораблей русского флота.

– В результате этого нападения, – докладывал на следующий день самодержцу премьер, – японцами выведены из строя два наших лучших броненосца – «Цесаревич» и «Ретвизан», а также серьезные пробоины получил крейсер «Паллада»...

– Как же так? Почему были не готовы достойно встретить врага, отразить атаку и уничтожить японские корабли? – прервав доклад премьера, набросился Ники на присутствующих на совещании генералов и адмиралов.

– Что ж, это только начало, – сменил он гнев на милость. – Такое коварство им дорого обойдется, они получат достойный и жесточайший отпор. Я требую, чтобы наши войска перешли в контратаку, впредь мы будем бить япошек на их территории, в их собственных портах. Чтоб ни на суше, ни на море они не чувствовали себя в безопасности и знали, что мой кулак расквасит их носы.

– Это еще не все, государь, – наконец вклинился в его тираду премьер. – Той же ночью японская эскадра в составе шести крейсеров и восьми миноносцев атаковала наш крейсер «Варяг» и канонерку «Кореец», стоявшие в корейском порту Чемульпо.

– Какая наглость!.. И что же?.. – в гневе со всего маху хряснул по столу кулаком Ники. – Говорите же, говорите!..

– Наши моряки сражались героически, но силы были неравны, при явном превосходстве противника, под огнем японской эскадры было потеряно более трети личного состава. Японцы дважды предлагали нашим экипажам сдаться, но наши моряки отвергли эти предложения...

– Так чем же все-таки закончился бой? – нетерпеливо вскинул брови Ники.

– «Варягу» и «Корейцу» удалось вырваться из окружения, но корабли едва держались на плаву, и командованием было принято решение взорвать и затопить их, чтобы они не достались врагу.

– Это ужасно, ужасно!.. Но это война, и, к сожалению, потери в ней неизбежны. Теперь мы должны собрать все силы и волю в кулак и обеспечить надежную оборону Порт-Артура и Дальнего, укрепить наши позиции в Маньчжурии, на Сахалине и подготовить контрнаступление. Словом, сделать все необходимое для победы...

И все же я в недоумении: как они посмели развязать войну против нас, против великой России? Неужели они всерьез рассчитывают на успех? Это же просто смешно! Мы их раздавим, как... червяков!

– Как посмели? Конечно, тут не обошлось без наших «друзей», – горько вздохнул премьер. – Без подстрекательства и материальной поддержки Америки и Англии Япония не отважилась бы на войну с нами.

Однако сколько бы ни произносил пафосных речей Ники здесь, в Петрограде, сколько бы ни орал на своих министров и военачальников, ни топал ногами, ситуация на фронте продолжала ухудшаться. Слишком уж устарело и обветшало русское оружие, слишком разжирели и отупели генералы в столичных хоромах, и уж очень оторваны от Центральной России эти океаны и дальние земли. Хоть и работает надрывно новая железная дорога, хоть и снуют днем и ночью тяжело груженные поезда, доставляющие туда, на поля и моря сражений, оружие, продовольствие и русских мужиков, отрывая их от семей, крестьянских полей и заводских цехов, ситуация на фронте лишь ухудшается.

Почти полностью разнесен в пух и прах российский флот. Уничтожены японцами броненосцы «Ретвизан», «Полтава», «Пересвет», «Победа», потоплены крейсера «Паллада» и «Баян», подбит врагом и затоплен русскими моряками броненосец «Севастополь».

События развиваются стремительно и не в пользу России. Министры, собираясь на доклад императору, дружно хлещут валерьянку. Их доклады один мрачнее другого:

– На реке Ялу потерпел поражение восточный отряд нашей Маньчжурской армии под командованием Засулича. Солдаты сражались отчаянно, но армия противника в три раза превосходила численностью наш отряд. Сыграло свою роль и полученное японцами из Англии новейшее вооружение. Наши потери были огромными, и потому пришлось отступить. Японцы продолжают упорно выдавливать нас из Маньчжурии...

– Японские войска под командованием генерала Ясукаты Оку, численностью около сорока тысяч человек, начали высадку на Ляодунском полуострове и продвигаются к Порт-Артуру...

– После упорного сопротивления нашим войскам пришлось уступить японцам порт Дальний. Порт-Артур полностью окружен, но гарнизон крепости отчаянно сражается...

Чистая суббота

Глупость и безволие Ники стали притчей во языцех при дворе и все более раздражали русский народ. Вглубь страны летели похоронки, тысячи, десятки тысяч извещений о загубленных в бессмысленной войне жизнях. Матери, жены и дети погибших в этой бойне солдат и матросов рыдали во всех концах великой страны. Братья и отцы вышли на площади и улицы городов со стоном и слезами. Они требовали прекратить бессмысленную войну, вернуть еще живых мужиков в семьи. Возроптал весь рабочий люд, те, кто в тылу в поте лица своего трудился по четырнадцать и более часов в день на войну, на утративших чувство меры фабрикантов и заводчиков.

Так долго сдерживаемая ненависть к царю, а еще больше к его супруге-немке и всей камарилье трущихся у власти инородцев выплеснулась на улицы. Чашу народного терпения окончательно переполнили события, произошедшие девятого января 1905 года в Петрограде, – расстрел мирной манифестации рабочих, шедшей к Зимнему дворцу с требованиями мира, справедливости и защиты прав трудящихся под предводительством православного священника Георгия Гапона-Новых.

В эту ночь отцу Георгию долго не спалось. С вечера один из его телохранителей затопил печь, и теперь по дому разлилось приятное тепло. Отец Георгий подсел поближе к огню. Весь день он мотался по городу, выступая перед рабочими питерских заводов и фабрик. Вконец простудился, потерял голос, его знобило. Он сделал глоток обжигающего чаю и задумался.

Завтра трудный, можно сказать, решающий день. Ему предстоит возглавить выступление рабочих, решивших отправиться со своими требованиями к Зимнему дворцу, к самому царю. Чашу терпения переполнили события, связанные с несправедливым увольнением нескольких рабочих на Путиловском заводе. В знак протеста на заводе была объявлена забастовка, к которой присоединились и рабочие других предприятий Питера. Отказались выйти к своим станкам десятки тысяч людей. Обстановка в городе накалилась, запахло стихийным бунтом. В этой взрывоопасной ситуации только он, священник Георгий Гапон-Новых, призывал рабочих к мирному решению наболевших проблем, к переговорам с царем, к тому, чтобы высказать ему свою боль и свои требования в петиции, которую они предполагали вручить завтра самому самодержцу.

И теперь он думал о том, какая ответственность легла на его плечи. Накануне верные люди сообщили ему, что царь, узнав о стремлении рабочих встретиться с ним, дал указание стянуть в город войска и перекрыть все подступы к Зимнему. Видно, не входит в его планы разговор по душам со своими подданными. Не к добру это, ох, не к добру!.. Но теперь уже ничего нельзя изменить, рабочих не остановить. Значит, остается только одно – самому быть вместе с ними до конца, каким бы он ни был.

Стемнело рано, январь на дворе. В самом разгаре питерская зима с пронизывающими, холодными, промозглыми ветрами с моря. В этом городе и дни-то зимние темны, а уж ночи совсем непроницаемы, вязки и долги, кажется, до бесконечности. И утра приходят не с солнечными лучами, а с унылым хором заводских гудков, созывающих рабочий люд в прокопченные цеха, к бесконечным рядам мудреных станков, к тяжелой смеси запахов металла, машинного масла, водочного перегара и матерщины лениво переругивающихся между собой и с начальством рабочих.

Он не зажигал в комнате света. Долго сидел в темноте у открытой чугунной дверцы печи, глядя на трепещущие среди поленьев жаркие языки пламени. Минуты сменяли минуты, часы шли за часами, и ночь незаметно перетекала в утро под мерное пощелкивание маятника стареньких ходиков за его спиной.

Но фарфоровая кукушка часов не нарушала тишины комнаты и хода его размышлений. Механизм давно проржавел, и она замолкла навсегда, укрывшись за жестяной дверцей своего потемневшего от времени и густо засиженного мухами сказочного домика.

За стеклом незашторенного и оттого неуютного, словно голого окна, в тускло-желтом свете невидимого фонаря, откуда-то из бесконечно-черной глубины неба в медленном кружении проплывали крупные, похожие на куриный пух, хлопья снега, замирая на покато́й крыше дома, что напротив, на выбитой временем и копытами лошадей брусчатке мостовой, на плечах случайного прохожего, нетвердой походкой прошествовавшего из конца в конец пустынного переулка.

Встать бы да зашторить окно. Но нет сил двинуться, прервать это оцепенение, ход тревожных размышлений...

«Этот проклятый город! – устало подумал он. Прикоснулся ладонью к горячему кафелю печи. – Это средоточие лжи, лицемерия, насилия, разврата и несправедливости, словно здесь резиденция самого дьявола, откуда правит он всеми силами зла по всей стране. Это царство несправедливости распростерлось от дремучей, неумытой чухони до суровых берегов великого океана, от продуваемого всеми ветрами безбрежья якутских земель до выжженных солнцем узбекских аулов. И я, Григорий Апполонович Гапон-Новых, призван дать бой этой злой сатанинской силе, подняв в священный поход тысячи обиженных, оскорбленных, обездоленных людей, тысячи еще не загубленных до конца душ».

Он подобрал поленьев в топку печи, и огонь благодарно с новой силой заплясал на них, обдав жаром лицо, грудь, колени...

«Злые силы, подлые людишки окружили трон самодержца, порвав нити, издревле связывавшие царские чертоги с каждой убогой хижинкой, как бы далеко от столиц она ни находилась, в какой бы глуши, в дебрях лесов или безбрежье степей ни затерялась. Иностранцы-аристократы, иностранцы-министры, иностранцы-губернеры и аферисты со всего света слетелись и окружили трон плотным, непроницаемым кольцом, лишили царя воли, любви и веры в свой народ.

Но не все еще потеряно. Еще можно все исправить, спасти от позорной гибели и царя, и Россию. Но для этого царь должен услышать завтра голос своего народа, открыто взглянуть своим подданным в глаза.

Завтра... Нет, уже сегодня мы должны сказать ему всю правду о страданиях рабочих и крестьян, о бедах, нищете, беспросветности существования миллионов людей. Он должен знать, что терпению народному приходит конец, что если своим словом и делом он не улучшит положения своих подданных, не накажет виновных и не восстановит справедливость, то народ сам позаботится о себе. И бунт его будет страшен и губелен не только для его мучителей, но и для всей страны. Но я верю, он выслушает, он поймет, он спасет нас от гибели, а страну от великих потрясений».

Такие мысли одолевали священника Георгия Гапона-Новых в эту долгую январскую ночь.

А в это время Ники и Аликс, прослышав о предполагаемом шествии рабочих и от греха подальше сбежав из ошестившегося солдатскими штыками Петербурга в Царское Село, уже давно почивали сном праведников, утопая в пуховых перинах великодержавного ложа с вышитым золотом двуглавым орлом на шелковом балдахине.

– Тяжела... тяжела... тяжела ты, шапка... – быстро-быстро забормотал вдруг сквозь сон император и душераздирающе захрапел.

– Та уймись ви! Тоже мне, руссишь Мономах... – сквозь сон бесцеремонно ткнула его в бок своим крепким кулачком супруга. – Спать не даешь! Ви свой храп не только мне, но вся Россия разбудишь!

– Извини, дорогая, – не просыпаясь, пробормотал Ники. – Это проклятый сон... Что-то замерз я... – И повернулся на другой бок, натянув на голову пуховое одеяло.

Что снилось самодержцу в этот час, в то время, когда бессонница мучила отца Георгия, честного и бескомпромиссного служителя церкви, видевшего свой пастырский долг в служении сирым и убогим, простым, и отважившегося позвать их бить челом самому императору?..

Накануне вечером к Ники в Царское прибыли с докладом министр внутренних дел Святополк-Мирский и директор департамента полиции Лопухин.

Долго, нудно и невразумительно бубнили что-то о забастовках на питерских заводах, о разрастающихся волнениях в городе, о том, что рабочие подготовили какую-то петицию с безобразно крамольными требованиями, с которой собираются идти к нему в Зимний. Лопухин даже пытался зачитать эту петицию, но Ники остановил его жестом руки.

– Нет, нет, не стоит, не сейчас! У меня что-то ужасно разболелась голова. Положите вон на тот столик. Я на досуге непременно прочитаю... Что? Они требуют, чтобы я вышел к ним? К этим забастовщикам и бунтовщикам! Да к тому же еще выполнил какие-то требования?! Это что же возомнила о себе эта чернь! Прикажите им немедленно расходиться по домам и приниматься за работу! А иначе... Надеюсь, вы приняли все необходимые меры? – строго-вопросительно взглянул Ники на сидящих перед ним чиновников.

Святополк-Мирский и Лопухин молча, в замешательстве переглянулись. Каждый не решался первым взять слово, а значит и ответственность за сказанное.

Наконец неловкую паузу прервал Святополк-Мирский.

– Не извольте беспокоиться, ваше величество, – начал он, нервно заерзав на алом бархате кресла, – все надлежащие меры уже приняты. Под охрану взяты электростанции, типографии, банки, телеграф, телефон и винные склады. Петербургский гарнизон усилен переброшенными из Петергофа пятью эскадронами гвардейской кавалерии. Два батальона Беломорского полка, два батальона Двинского полка и батальон Онежского полка прибыли из Ревеля и еще пять батальонов из Пскова. Полицейским врачам приказано завтра неотлучно находиться на местах, больницам – быть готовым к приему раненых...

– Раненых? – встрепенулся Ники, до того довольно рассеянно слушавший доклад министра. – А что, вы думаете, может дойти и до кровопролития?

– Я полагаю, что этого нельзя исключить, – наконец вставил слово Лопухин.

– М-да... – неопределенно хмыкнул Ники. – Ну, вы уж там как-нибудь... того... не очень... Однако если надо, то, конечно... Пора показать всей этой сволочи кузькину мать! – вдруг с неожиданной злостью стукнул он по столу своим сухоньким кулачком, да так сильно, что сам сморщился от боли. – Ишь чего вздумали – самому царю какие-то требования выдвигать! Встретьте их так, чтоб надолго запомнили, чтобы впредь неповадно было! И вот еще о чем хотел вас спросить, а кто ж во главе-то этих бунтовщиков, кто заварил всю эту кашу?

– Да попик один – Гапон-Новых.

– Гапон-Новых... Не знаю такого, – явно думая о чем-то другом, пробормотал Ники. И больше ничего не сказал.

Когда за чиновниками закрылась дверь, он закурил папироску, с облегчением вздохнул, прошелся из угла в угол комнаты, что-то бормоча себе под нос и теребя рыжеватую бородку.

«Священник... Гапон... Какая наглость!.. Однако что за бумаги оставил мне этот Лопухин?»

Он подошел к столику, открыл оставленную чиновником папку и начал читать.

«Государь, боюсь, что твои министры не сказали тебе всей правды о настоящем положении вещей в столице.

Знай, что рабочие и жители города Петербурга, веря в тебя, бесповоротно решили явиться завтра в два часа пополудни к Зимнему дворцу, чтобы представить тебе свои нужды и нужды всего русского народа.

Если ты, колеблясь душой, не покажешься народу и если прольется неповинная кровь, то порвется та нравственная связь, которая до сих пор еще существует между тобой и народом. Доверие, которое он питает к тебе, навсегда исчезнет.

Явись же завтра с мужественным сердцем перед народом и прими с открытой душой нашу смиренную петицию.

Я, представитель рабочих, и мои мужественные товарищи ценой своей собственной жизни гарантируем неприкосновенность твоей особы.

Священник Г. Гапон».

Прочитав это письмо, Ники уже не стал читать самой петиции, вместе с тяжелой кожаной папкой он в бешенстве швырнул бумаги на стол. Но этого ему показалось мало. Он схватил этот листок бумаги, изорвал его и бросил на пол. Белые клочки разлетелись по ковру.

– Да кто он такой! Кто они такие, чтоб требовать от меня что-то! Чернь! Растоптать, утопить в крови! – в ярости бормотал император.

Наконец, немного успокоившись, он подошел к камину, думая о чем-то своем, долго с какой-то неживой полуулыбкой смотрел на огонь. В его прищуренных глазах зловеще плясали отраженные языки пламени.

Полуоткрылась дверь, и из нее неслышно выскользнула Аликс.

– Они уже ушли? – видя его состояние, осторожно спросила она.

– Ушли, – мрачно поправил ее Ники. – Лучше б не приходили! Теперь не уснуть.

– Твой разволновал... – тронула она его за плечо.

– Надо говорить: ты разволновался, – уже с раздражением снова поправил ее супруг.

– Бедный, бедный Ники! Надо их проучить, надо бить сильный. Ну, думай, кто есть они и кто есть ты!.. Успокойся. И идем к сон, поздно уже.

– Нет, черт возьми, я вижу, что ты никогда не научишься хотя бы сносно говорить по-русски! – взвился самодержец. – Так не мучайся и не мучай меня своим произношением! Предлагаю впредь, когда мы одни, разговаривать на привычном тебе английском. Иди спать! – продолжил он уже на английском. – Я скоро приду...

– Как хорошо ты придумал, как это мило! – обрадовалась супруга. – Так я распоряжусь, чтобы тебе принесли чаю, – уже выходя из комнаты, послав воздушный поцелуй, уже по-английски проворковала она.

Ники открыл ключом один из ящичков резного, красного дерева секретера, извлек из его недр толстенную тетрадь в кожаном переплете и «вечную» ручку с золотым пером и витиеватым вензелем на округлом корпусе. Поудобней расположился в кресле, отхлебнул принесенного дежурным офицером чаю.

«А, черт с ними со всеми! Как-нибудь обойдется...»

И начал писать.

Итак:

«8 января. Суббота. Ясный морозный день. Было много дела и докладов. Завтракал Фредерикс. Долго гулял. Со вчерашнего дня в Петербурге забастовали все заводы и фабрики. Из окрестностей вызваны войска для усиления гарнизона. Рабочие до сих пор вели себя спокойно. Количество их определяется в 120 000 ч. Во главе рабочего союза какой-то священник-социалист Гапон. Мирский приезжал вечером для доклада о принятых мерах».

Дописав последнюю строчку, Ники закрыл дневник, вернул его на прежнее место и, сладко зевнув, отправился на покой.

– Аликс, дорогая, а вот и я...

Великий князь Владимир Александрович, главнокомандующий войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа, получивший от своего венценосного родственника санкцию на разгон демонстрации, выслушав доклад генерала Фуллона о приведении войск столичного гарнизона в боевую готовность, отдавал последние распоряжения.

– Государь император не намерен общаться с бунтовщиками и выслушивать их бредовые требования, подрывающие устои самодержавной власти и самого государства Российского. Он дал санкцию на принятие самых жестких мер к бунтовщикам. Поэтому мы должны продемонстрировать этим обнаглевшим забастовщикам твердость и силу. Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду?

– Толпу разогнать самым жесточайшим образом.

– Вот-вот! Зачинщиков арестовать! Или... Словом, действуйте по обстоятельствам. Готовы выполнять?

– Так точно, ваше высокопревосходительство! – козырнул, вытянувшись в струнку, генерал. – Будет исполнено в лучшем виде!

– Не сомневаюсь. И, пожалуйста, держите меня в курсе.

...В ночные улицы Петербурга медленно и неумолимо вливались темные волны людей в солдатских шинелях, полночную тишину нарушал мерный скрип снега под тысячами сапог да редкие, вполголоса, окрики командиров.

– Левой, левой, левой! Правое плечо вперед... Прямо... Стой! Раз, два! Оружие к ноге! Слуу-шай приказ!..

К утру весь центр Петербурга ошетинился штыками трехлинейных винтовок. Улицы и проспекты перерезали плотные шеренги солдат, за спинами которых в темных переулках слышался дробный перестук лошадиных подков. Бряцала стременами и шашками гвардейская кавалерия.

А в глухомани суровой Тобольской земли в этот самый час пьяница, бабник и конокрад Гринька Распутин гнал в своей баньке за огородом самогон. Он сидел у потемневшей от времени бревенчатой стены на длиннющей лавке, опершись локтями о грубо сколоченный стол, и, зажав кудлатую башку большими, похожими на рачьи клешни ручищами, вожделенно следил за тем, как капля за каплей мутноватая, едко пахучая жидкость, поблескивая в свете керосиновой лампы, медленно наполняет толстостенный стакан. Когда стакан заполнялся на треть, Гринька хватал его своей немойтой ручищей и быстро опрокидывал в пасть. Делал он это с таким проворством, что очередная капля самогона падала точно в только что опустошенную и возвращенную на свое место склянку. Гриньку это чрезвычайно забавляло и радовало.

– Вот так! – каждый раз, крикнув, победно хряснув по столу кулаком, восклицал он.

Теперь можно было не торопясь закусить горячо разлившуюся по внутренностям жидкость. Он зацепил из деревянной лоханки своими заскорузлыми, с черными полосками грязи под ногтями пальцами добрую жменьку квашеной капусты и, запрокинув голову, забросил в рот. С наслаждением зажмурил маленькие уже осоловевшие глазки, вытер ладонью просоленную от стекающих капелек рассола бороду. В глазах знакомо и приятно мутнело. Редкие мысли все больше путались.

«Эх, хороша, родимая!..»

Преданный Порт-Артур

До чего же прав был начальник Главного штаба генерал-адъютант Обручев! – сетовал премьер, выйдя из императорского кабинета после очередного траурного доклада о положении на фронте. – Вспомните, господа, ведь он еще за десять лет до начала этой треклятой войны предупредил, что нам ни в коем случае нельзя ввязываться в войну с япошками.

«Необходимо иметь в виду, – говорил он, – что нам пришлось бы воевать за десять тысяч верст с культурной страной, имеющей сорок миллионов населения и весьма развитую промышленность.

Все предметы военного снаряжения Япония имеет у себя на месте, тогда как нам пришлось бы доставлять издалека каждое ружье, каждый патрон для наших войск».

Так нет же, вляпались!..

К началу августа, несмотря на отчаянное сопротивление русских войск, Порт-Артур был полностью окружен неистово рвущимися в город японцами. Оборону крепости затрудняли начавшиеся среди солдат массовые болезни, бесталанное руководство, порой предательство генералов и высших офицеров. С течением времени все большее число защитников крепости начинало понимать безнадежность своего положения в условиях полной изоляции от внешнего мира, от родины. Однако солдаты продолжали отважно сопротивляться натиску врага, не теряя ни самообладания, ни достоинства.

Японцам казалось, что в таких невыносимых условиях долгое сопротивление невозможно, что со дня на день русские должны сдаться, поднять над крепостью белый флаг. Но шли дни, недели, месяцы, а израненные, изможденные, измученные цингой, тифом, дизентерией солдаты и матросы продолжали сражаться.

Жестокие бои развернулись за гору Высокую, господствующую над городом высотой, с захватом которой японцами Порт-Артур стал бы беззащитной мишенью для вражеской артиллерии. Позиция засевшего здесь немногочисленного отряда русских была выбрана очень удачно. Они были защищены не только мощными укреплениями, разветвленной сетью окопов и блиндажей, но и самой природой, отвесными скалами, гротами и пещерами.

Штурм следовал за штурмом, и каждый раз под огнем артиллерии японцам приходилось откатываться назад. Но и русским солдатам с каждым днем становилось все тяжелее удерживать свои укрепления, так как к началу зимы они оказались совершенно отрезаны от города. С каждым обстрелом японской артиллерии, с каждой атакой врага в живых оставалось все меньше людей. На место убитых и тяжелораненых вставляли врачи и санитары, повара и денщики, словом, все, кто мог держать в руках оружие. Все понимали свое отчаянное положение, знали, что развязка близка, что отступить некуда, что враг жесток и конец уже близок, но были готовы на все, лишь бы не сдаться врагу.

Капитан Ирхин не спал уже третью ночь. Не только потому, что нестерпимо болело навывлет простреленное японской пулей плечо, но и от непреходящего нервного напряжения. Стиснув зубы, чтобы не застонать от боли и не разбудить лейтенанта Доронина, обитавшего вместе с ним в этой выдолбленной в скале пещере, он скинул с себя пропахшее дымом кодра одеяло, поеживаясь от холода, спустил ноги с раскладной походной кровати на промерзший каменный пол их убежища и в три погибели, так как встать в полный рост не позволяли низкие своды пещеры, стал пробираться к выходу.

– Что, Сергей Михалыч, – сирым, простуженным голосом окликнул его молоденький лейтенант. – Уже утро? Опять узкоглазые поперли? Я сейчас, следом за вами...

– Спи, спи, Алеша, пока все тихо. Ночь на дворе. Это я так... Плечо ноет... Просто решил размяться, выбраться на свежий воздух, может, полегчает.

Он откинул задубевший от мороза холщовый полог и выбрался из пещеры.

Ночь была звездная. В бесконечно черном небе ни единой тучки. В холодном свете луны снег на вершине горы и там, в низине, где располагались невидимые сейчас позиции противника, выпавший за ночь снег холодно блестел серебром.

Тихо вокруг. И эта тишина создавала ощущение покоя и умиротворения. Но капитан Ирхин знает, насколько обманчива эта тишина. В любой момент она может взорваться грохотом тяжелых японских орудий, воем снарядов, безжалостно долбящих русские укрепления и сами утесы горы Высокой, обманчиво безмятежным свистом пуль, одну за другой уносящих жизни людей, защищающих эту последнюю твердыню, за которой в низине раскинулся спящий тревожным сном город.

Ирхин прожил уже большую и трудную жизнь. Капитанские погоны достались ему просто, не по знатности рода или близости к высокому штабному начальству. У него не было и сильного покровителя. Все, чего он добился по службе, досталось ему потом и кровью, вечной неустроенностью холостой бивачной жизни, благодаря несомненному командирскому таланту и отваге, граничащей с самопожертвованием. Солдаты любили его не только потому, что он свой, из народа, но больше за то, что он личным примером показывал им, как преодолевать тяготы и лишения ратной жизни, учил и помогал выживать в условиях, когда, казалось, выжить было невозможно.

Капитан мог в сердцах наорать на солдата, матерясь нещадно, но ни разу не поднял на служивого руку. Ирхин мог посмеяться над неумехой, но не унижить, а, посмеявшись, научить уму-разуму. Он не терпел лжи, фальши и лизоблюдства. И, главное, каждый его подчиненный чувствовал, случись что, капитан поймет, придет на помощь, выручит из беды, защитит перед высшим начальством.

Капитан Ирхин услышал за своей спиной шорох и обернулся.

«Кто это? Уж не коварный ли враг непрошеным гостем пробрался в наше расположение?» – напрягся он.

Но тревога оказалась ложной. Это рядовой Колобов выбрался из своего укрытия и, не решаясь подойти ближе, нарушить уединение командира, переминался с ноги на ногу, явно стараясь привлечь к себе внимание.

– Вашбродь, разрешите присоседиться... – несмело обратился солдат к Ирхину, обрадовавшись, что тот его заметил.

– Да какое я тебе благородие! – усмехнулся командир. – Небось тоже, как и ты, из крестьян, а здесь и подавно, перед лицом смерти все мы равны... Что, тоже бессонница мучит? Так садись, коль пришел, вместе помолчим.

Долго сидели, не проронив ни слова, глядя вниз, на поросшие редколесьем предгорья, туда, где притаился не видимый до поры враг и сама смерть.

– Сергей Михалыч, чай, болит плечо-то? – первым нарушил тишину солдат. – Спать не дает... Вам бы к фершалу надо...

– Ага, к «фершалу» на перины! – передразнил Ирхин солдата. – А с вами-то, с оболдуями, кто останется? Лейтенант Доронин? Поручик Авдеев? Так они еще совсем мальчишки, молоко на губах не обсохло. Хоть и храбрецы, а чтоб на японца управу найти, одной храбрости маловато. Я уж не говорю про вашего брата. Ведь, по-существу, все вы люди сугубо гражданские, мирные. А вам трехлинейку в руки – и вперед! Вот, к примеру, тебя, Колобов, взять. Ты кем в той, прежней жизни был? Мирным человеком, семьянином, хлебопашцем. А тебя в армию от семьи, от родного дома, от поля твоего сюда, на передовую сдернули...

– Да никто меня не сдернул. Сам я напросился, – возразил солдат.

– Как это сам? Добровольцем, что ли, пошел? – удивился Ирхин.

– Выходит, что так, – невесело усмехнулся Илья.

– Видно, сильно припекла тебя жизнь, что сбежал от нее на войну.

– Да уж сильнее не бывает...

– Что ж стряслось с тобой такое, что сюда вот на верную гибель сбежал? С женой, что ль, нелады? Или без работы остался?

– Ушла от меня жена, и сынок малый, несмышленный ушел, в одночасье покинули меня, оставив одного-одинешенька на этом свете. Не сберег я их.

– Как же так? – осторожно спросил Ирхин. – Что произошло?

– А то, вашбродь... С голоду померли. Про голод в Оренбуржье слышали?

– Слышал, конечно. В газетах читал...

– Так вот. Это про нас, про нашу беду. Жара замучила, засуха, за все лето ни одного дождика не дождались. Весь хлебушек-то наш насущный и сгорел. А ведь мы, грешные, хлебушком и живем. Так до весны-то во всем селе всего душ двадцать в живых и осталось. Большое было село, а, почитай, всех на погост снесли. Вот и мои тоже там. А я вот... выжил. Только зачем?.. Хотел руки на себя наложить, да ведь грех это. Я и напросился на фронт. Подумал, хоть не зря жисть свою положу, а за отечество, за родную землю. А получилось – вон оно как. Оказалось, не нашенская это земля-то, не русским здесь духом пахнет, и на чужбине, на китайщине нам приходится жизни свои покласть... Ну так что с того, я не горюю, зато среди своих, в хорошей компании. А на миру-то, говорят, и смерть красна!

– Да... – сочувственно вздохнул Ирхин. – Не знаю, что тебе и сказать, чем утешить. Такой судьбы, как у тебя, солдат, и врагу не пожелаешь.

Но ты как-то... Держись... Недолго уж нам осталось. Скоро все здесь ляжем... Однако повоюем еще маленько, попотчует свинцом узкоглазых.

Светает скоро, пойду посты проверю, а потом прилягу, может, получится вздремнуть хоть немного. Что и тебе совету. Нам еще силы – ох как нужны!

Но уснуть ему не пришлось. Еще до рассвета япошки начали артобстрел. Значит, следом за этим снова попрут в атаку. Ирхинские бойцы, не дожидаясь команды, привычно высыпали из блиндажей, разбежались траншеями, занимая каждый свою позицию, в ожидании атаки японцев, залегли за пулеметами и минометами, разложив перед собой на брустверах гранаты и мины. Все по-деловому, обстоятельно, без суеты.

Но вот японские орудия смолкли, не нанеся ощутимого урона русским позициям, и выползшие из своих нор японцы цепь за цепью ринулись к подножию горы.

Капитан Ирхин наблюдал в бинокль, как там, внизу, маленькие, словно игрушечные оловянные солдатики, япошки бегут, взметая выпавший за ночь снег, неумолимо приближаясь к их позициям. Они пока вне досягаемости русских пуль и потому бегут смело, не таясь, с непонятным и чуждым русскому уху устрашающим ревом.

Выждав еще немного, капитан взмахнул рукой, что послужило сигналом для открытия огня. И тут же справа и слева от него дружно затарахтели пулеметы, изрыгая на врага свинцовую смерть. И разом дрогнули, рассыпались, замедлив продвижение вперед, к подножию горы, японские цепи. Замедлили, но не остановились, не обернулись вспять. И вот уже самые ловкие и упорные, словно ящерицы, вжимаясь в расщелины скалы, карабкаются все выше и выше.

К Ирхину подбежал лейтенант Доронин.

– Что, Сергей Михайлович, пора их глушить? – запыхавшись, крикнул он.

– Пора! Командуй, лейтенант! – дал отмашку Ирхин.

И лейтенант снова скрылся за поворотом траншеи.

Не прошло и минуты, как с бруствера на головы японцев посыпались гранаты и мины. Их разрывы там, внизу, усиленные горным эхом, слились в один непрерывный грохот. Отсюда, с высоты, было видно, как вражеские солдаты, спасаясь от смертоносных осколков, бросая у подножия скалы убитых и раненых, побежали назад, к своим позициям.

На время все стихло. В нависшей тишине снизу, от подножия горы, доносились лишь приглушенные стоны раненых японских солдат.

– Вот нехристи, опять своих побросали умирать! – сквозь зубы зло процедил пожилой пулеметчик Степан Герасимов, доставая из-за пазухи расшитый кисет с махоркой. – Рази ж так можно!..

– Они ить опять к ночи полезут, так по трупам-то легче будить к нам карабкаться, – хохотнул его второй номер, совсем еще молоденький, безусый солдатик Ванятка Бурцев.

Вот уж вторая неделя пошла, как он был приставлен в напарники к Степану, заменив его убитого земляка и всеобщего любимца Сеньку Комарова, которого здесь, в роте, все звали просто Комарик. Герасимов до сих пор не мог смириться с потерей товарища и потому сразу невзлюбил Ванятку, придираясь к нему, где только мог. Вот и сейчас он оборвал его резко:

– Ну что ты мелешь, балабол! Как у тебя язык-то не отсохнет от таких слов! Там люди кончаются, а ты... Они хочь и басурмане, а тоже... человеки!

Раз за разом японцы предпринимали атаки на их позиции, словно ящерицы, карабкаясь почти отвесными скальными утесами. И раз за разом солдаты капитана Ирхина отбивали эти атаки. Но капитан понимал, что дело близится к развязке, что им не выстоять, не удержать Высокую.

Людей становилось все меньше. Вражеские пули, снаряды и бомбы медленно, но верно делали свое кровавое дело. Высокие чины, отсиживающиеся в городе, видно, давно махнули на них рукой, списали в расход, поэтому помощи оттуда ждать не приходится. Однако никто не собирался сдаваться врагу, все, как один, готовы были умереть, защищая эту высоту. Но жизни свои намеревались отдать дорогой для японцев ценой.

Потери противника были огромны. Видно было, что японские генералы не щадят своих солдат, день за днем посылая их на штурм. С истошными криками «банзай!», с полными ужаса глазами япошки карабкались и карабкались на эти оказавшиеся неприступными для них скалы. Лезли и падали замертво, сраженные пулей, бомбой или гранатой. И снова лезли, и снова падали...

И вот наступил последний день обороны Высокой.

Последний бой.

В живых из всей роты остались немногие, и те все изранены, все в крови и бинтах. Кончились запасы продовольствия, почти не осталось воды. Из боеприпасов – всего несколько гранат да по паре десятков патронов на каждого.

Взрывом снаряда убит пулеметчик Герасимов и его смешливый напарник Ванятка Бурцев. Нашел свою смерть рядовой Колобов, так тосковавший по жене и сыну.

«Вот теперь вы и встретитесь...» – грустно подумал капитан Ирхин, когда ему доложили о гибели солдата. А на следующий день смерть настигла и его самого. Она была мгновенной. Шальной осколок снаряда попал ему прямо в сердце.

Теперь оборону высоты возглавил совсем еще молоденький лейтенант Доронин.

– Солдаты! – осипшим, простуженным голосом надрывно прокричал он собравшимся вокруг него перед боем воинам. – Братья!.. Мы честно сражались. И вот настал наш черед в этом последнем поединке доказать проклятым япошкам, что мы непобедимы, что русский солдат не сдается даже перед лицом самой смерти.

Нас мало. Мы преданы нашими генералами. У нас нет ни малейшего шанса выжить. Мы окружены со всех сторон врагом. Но они войдут в историю как жалкие трусы, а вы – как герои земли русской.

Помолимся же, братья, перед тем, как отдать жизни свои за родное отечество.

С нами Бог и правда!

Последние слова лейтенанта потонули в грохоте вражеских орудий.

– По местам! – скомандовал он, когда молитва была закончена. И все разбежались по окопам.

Этот последний бой был недолог. Гранаты и патроны у обороняющихся закончились быстро. Теперь тем, кто остался в живых, оставалось только наблюдать, как в наступившей зловещей тишине, после недолгого замешательства, вражеские солдаты ринулись к их укреплениям.

Но когда они оказались на вершине, горстка оставшихся в живых солдат с криками «Ура!» выскочила из окопов и со штыками наперевес бросилась на врага. Это был бросок навстречу верной смерти, слишком неравными были силы. Очень скоро все было кончено, и над вчера еще русскими укреплениями взвился японский флаг.

Японцы с уважением отнеслись к подвигу отважных воинов. По приказу командующего они отдали «русским самураям», как назвал их генерал Ноги, все воинские почести. Похоронили тела погибших здесь же, на скале, в одной из пещер. Офицер дал команду – и над свежей братской могилой грянул ружейный залп. Эхо этого залпа донеслось до города.

В крепости Порт-Артур дозорный, увидев японский флаг на вершине горы, бросился к телефону...

Потрявоженными муравьишками забегали штабные...

– Это конец! – с воплем влетел в кабинет коменданта крепости генерала Стесселя начальник сухопутной обороны генерал Фок. – Завтра японцы будут здесь! Надо же что-то делать!

– Не паникуйте, генерал, у меня все под контролем, – осадил его Стессель. – Мы же имеем дело с цивилизованным противником. И поэтому будем пользоваться цивилизованными методами взаимодействия с ним. Я заранее предусмотрел такое развитие событий и успел как следует, подготовиться.

Он подошел к сейфу, щелкнул замком, и извлек из его железных несгораемых недр листок бумаги.

– Вот! Прочтите, – протянул он бумагу генералу.

Фок достал из кожаного футляра пенсне, нацепил его на сизый от постоянного пьянства нос и начал читать.

«Его превосходительству барону Ноги, главнокомандующему японской армией, осаждающей крепость Порт-Артур.

Милостивый государь!

Сообразуясь с общим положением дела на театре военных действий, я признаю дальнейшее сопротивление Порт-Артура бесцельным и, во избежание напрасных потерь, желал бы войти в переговоры относительно капитуляции.

Если ваше превосходительство на это согласны, то прошу назначить лиц, уполномоченных для переговоров об условиях и порядке сдачи, а равно указать место, где они могут встретиться назначенных мною лиц.

Пользуюсь случаем выразить Вам чувство моего глубочайшего уважения.

Генерал-адъютант Стессель».

– Слов нет, великолепно! Вы стратег, генерал! Но когда же вы успели это сочинить?

– Да, пожалуй, еще с месяц назад... Понимаете, талант полководца заключается, в частности, и в том, что он способен предугадать любой, в том числе и самый неблагоприятный исход событий... Кхе-кхе... Вот я и предусмотрел.

– Да, пожалуй, теперь это единственный выход для нас.

– Но... Как отреагирует военный совет? Я думаю, найдется немало оголтелых фанатиков, которые будут категорически против сдачи крепости и города на милость японцев.

– А я и не собираюсь ни с кем обсуждать свое решение и ни перед кем отчитываться. Я здесь главный! Меня назначил комендантом крепости сам государь император, перед ним я и буду держать ответ, – с пафосом заключил Стессель.

– Что ж, и правда, господин генерал, вам решать, – охотно согласился хитрый Фок.

«А следовательно, вам и отвечать за это сомнительное решение...» – подумал он.

– Я прошу вас, Александр Викторович, – продолжил Стессель, – передайте это послание полковнику Лучинскому и поручите ему обеспечить немедленную доставку бумаги генералу Ноги.

Через несколько часов генерал Ноги уже читал послание Стесселя. А прочитав, был одновременно и удивлен, и обрадован тем, как вдруг неожиданно обернулись обстоятельства. Вообще-то старый вояка готовился к долгому и упорному сопротивлению засевших в крепости русских. Вон ведь сколько крови ему попортила эта кучка отчаянных защитников Высокой! А тут...

Неприступные крепостные бастионы, многотысячный гарнизон, горы оружия и боеприпасов...

Благодаря усердию разведки, а также из рассказов захваченных его лазутчиками пленных китайцев генерал был хорошо осведомлен о положении дел в крепости. Он знал, что в ней еще оставалось около тридцати тысяч боеспособных солдат, насчитывалось более шести сотен мощных и вполне боеспособных орудий, на складах хранятся сотни тысяч снарядов к ним и большие запасы продовольствия.

«И сидя за такими неприступными стенами, в такой выгодной позиции, просить пощады?! Ну и горе же вояка же этот генерал Стессель! – усмехнулся Ноги. – Вполне можно предположить, что генеральские погоны ему достались не за боевые заслуги, а за умение лизать зады власть предрежащих.

Что ж, мы, конечно, примем его предложение. К чему ломать копья, если нам предлагают взять крепость в качестве подарка. Видно, этот... как его... Стессель хочет поспеть к русским рождественским праздникам в Петербург. Только вряд ли в российской столице его будет ждать теплый прием. Ведь его поступок очень похож на измену. После такого у нас в Японии воин сводит счеты с жизнью, у него остается лишь один выход – харакири!»

Согласно подписанному договору о капитуляции, весь гарнизон крепости, все нижние чины, и здоровые, и раненые, и больные, должны были отправляться в японский плен. Господам же офицерам во главе со Стесселем и Фоком предоставлялась возможность вернуться в Россию. Услышав об этом, младшие офицеры возмущенно зароптали.

– Да как после этого мы сможем нашим солдатам в глаза-то смотреть! Мы же их предаем, отдаем на поругание врагу.

– Солдат обрекаем на позорный плен, на мучения, а сами, значит, бежим в столицу, по кабакам, по цыганам – свою совесть вином заливать? Это ж стыд-то какой! Как мы сможем жить с этим!

– Господа офицеры, – оборвал их Стессель. – Что за смута в военное время! Я требую немедленно прекратить балаган! Приказы не обсуждаются. А те, кого не устраивает мое решение, могут отправляться к японцам в плен вместе со своими солдатами. Только, я думаю, этот сброд не оценит вашего порыва.

Генерал Фок, срочно составьте списки тех, кто намерен возвращаться в Россию. А остальные вольны поступать так, как им заблагорассудится.

На следующий день японские войска вошли в город. Разоруженных русских солдат под конвоем выводили за ворота крепости. Оттуда то и дело слышались одиночные выстрелы. Это японцы расстреливали непокорных или раненых, тех, у кого не было сил идти.

Долог и тяжел будет путь этих несчастных, не всем суждено будет вернуться домой...

– Позор!.. Продали нас генералы... – слышался ропот в бесконечной колонне обреченных.

– Сдали и крепость, и всех нас япошкам. А ведь мы могли бы еще повоевать...

– А чего же вы ждали от этих стесселей, фоков и рейсов? Они для русского человека хуже японца. Вот и продали нас ни за понюшку табака.

– Интересно, сколько японцы заплатят Стесселю за сдачу крепости?

– А тебе-то что? Ты свое уже получил.

– Эх, шлепнуть бы его, вражину, за такие дела!

– Раньше надо было шлепнуть. А теперь – смотри в оба, чтоб тебя самого япошки под горячую руку не шлепнули...

На доклад к императору о героической сдаче Порт-Артура Стессель не был допущен. Весть о его предательстве долетела до столицы еще до его прибытия. Так что, как только генерал появился в Питере, он был арестован, разжалован и предан суду.

Изучив все материалы дела, опросив десятки свидетелей, суд вынес суровый, но справедливый приговор – труса и изменника расстрелять. Однако по ходатайству сильных покровителей этот приговор был заменен на десятилетнее заключение в крепости.

Но и тут ему в очередной раз повезло. За него замолвила слово сама императрица.

– Ах, Ники! Ну что ты держишь этого милейшего человека в крепости! – как-то, уловив удобный момент, подкатила к мужу Аликс. – Ты знаешь, за него хлопочет так много уважаемых людей... А главное, сам Митя-Гугнивый просит за него. Он говорит, кто плохое помянет – тому глаз вон, а кто прощает – тому и зачтется. Отпусти его, Ники, сделай доброе дело, ну что тебе стоит!..

И Ники, как всегда, послушно уступил.

Так, просидев в тюремной камере чуть больше года, по высочайшему повелению государя императора изменник и трус был амнистирован и отпущен на все четыре стороны.

Шли проведать мы царя...

Отец Георгий взглянул на часы. Обе стрелки застыли на цифре шесть. «Вот и утро! – вздохнул он. – Как быстро пролетела эта ночь!» Он встал, прошел в угол комнаты, где перед образами горел живой огонек лампы, поднял глаза к потемневшей от времени иконе. В колеблющемся, неярком свете, казалось, живые глаза Спасителя смотрели на него со спокойной строгостью и одновременно добротой, проникая в самую его суть.

Отец Георгий опустил на колени и долго молился, не замечая, как слезы текут по его щекам.

«Господи, помоги... Спаси и помилуй нас, грешных...»

Он встал и, словно очнувшись от забытья, взглянул в окно. За ним уже забрезжил тусклый рассвет. Он машинально оторвал листок настенного календаря.

«1905 год. 9 января. Воскресенье – прочел он. – Что ж, пора!..» Что принесет ему, его сподвижникам и России этот день?

Отец Георгий собирался медленно, обстоятельно, словно воин перед боем. Надел чистую рубаху, подрясник и черную рясу. Сверху – тяжелую овчинную шубу с большим воротником и, перекрестившись на образа, вышел из дома.

Когда он на извозчике в сопровождении двух охранников подъехал к нарвскому отделу «Собрания», здесь уже собрались тысячи рабочих.

– Приехал! – пронеслось по толпе, и тысячи взоров обратились к нему.

В центре возбужденно гудевшей, празднично разодетой толпы возвышалась наспех сколоченная из грубых досок трибуна. Возле нее отца Георгия уже поджидали Иван Васильев, возглавлявший «Собрание» и пользующийся непререкаемым авторитетом у рабочих, и кузнец-великан Михаил Филиппов.

Толпа расступилась, и решительным шагом в сопровождении своих телохранителей отец Георгий направился к трибуне.

Издали увидев священника, Иван радостно замахал ему рукой. Взобравшись на шаткий помост, отец Георгий скинул тяжелую шубу, оставшись в одной черной рясе, поправил большой серебряный крест на груди и с замиранием сердца окинул взором море людских голов. Тысячи глаз с верой, надеждой и отчаянной решимостью смотрели на него. И его сердце замерло. Чтобы хоть немного успокоиться, он вздохнул полной грудью, так, что морозный воздух обжег легкие.

– Братья и сестры! – срывающимся голосом воззвал он в толпу. – Дорогие мои!

Час пробил! Так дальше жить нельзя! Ненасытные заводчики, фабриканты, капиталисты, продажные чиновники пьют вашу кровь. Они не считают нас за людей, втаптывая в грязь жесточайшего рабства, сами купаясь в роскоши и вывозя за границу свои капиталы, нажитые нашим трудом. Нам не от кого больше ждать милости, кроме нашего царя, помазанника Божия, нашего отца и заступника. И мы идем сегодня к нему, чтобы рассказать о наших бедах и просить у него защиты!

Толпа рабочих откликнулась на его слова гулом одобрения. Словно холодный питерский ветер пронесся над площадью.

Он порылся в своем потрепанном портфельчике и извлек из него папку с бумагами.

– Вот послушайте! Это наша петиция, наши требования, это ваше рабочее слово к царю.

«Государь! Мы, рабочие и жители Санкт-Петербурга разных сословий, наши жены, и дети, и беспомощные старцы-родители пришли к тебе, государь, искать правды и защиты.

Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть свою горькую

участь и молчать. Мы и молчали, но нас толкают все дальше в омут нищеты, бесправия и невежества, нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся.

Нет больше сил, государь. Настал предел терпению... Не откажи в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества... Не дерзость в нас говорит, а сознание необходимости выхода из невыносимого для всех положения...»

Отец Георгий перевел дыхание, окинул взглядом замершую толпу.

К нему были устремлены тысячи глаз. В одних светилась надежда, в других отражалось сомнение, кто-то не мог скрыть откровенного недоверия и все же стоял здесь, вместе со своими товарищами.

«А что, если царь не выйдет к нам, не захочет услышать, так же, как не захотели выслушать и понять его министры? – мелькнула коварная мысль. Он уже знал, что все подступы к Дворцовой площади заняты войсками и что им отдан приказ не пропустить рабочих к Зимнему дворцу. – Но не посмеют же они разгонять мирное шествие, стрелять в свой народ, вышедший на крестный ход? А если все же... Что тогда?!»

Однако он надеялся на то, что эти расставленные по всему городу солдаты, еще вчера такие же рабочие или крестьяне, которые, сняв шинели, снова вернутся к своим станкам, к своей земле и окажутся в таком же бесправном положении, поймут и с благодарностью оценят этот массовый мирный порыв своих обездоленных братьев и сестер и не применят против них силу.

И все же на душе было тревожно, как и у всех тех, кто сейчас стоял на этой площади и с надеждой смотрел на него. Его одолевали сомнения. Простит ли его Бог, если все обернется трагедией? И простит ли он сам себе, сможет ли жить дальше, если... Отец Георгий постарался отогнать от себя эти мысли, однако он слышал, как о том же перешептываются люди, от одного к другому передавая весть о стянутых в город войсках.

Несмотря на мороз, его бросило в жар. Дрожащей рукой вытер мгновенно вспотевший лоб. Он взгляделся в лица людей и в большинстве из них увидел решимость.

– Сегодня или никогда! – сквозь стиснутые зубы, из-под густых насупленных бровей сверкнув глазами, процедил его давний знакомец слесарь Федор Елисеев.

– И то верно. Мы ж мирные люди – нас грех обидеть... – с надеждой поддержал Федора стоящий за его спиной тощий мужичонка, поеживаясь на морозе. – Нет сил дальше терпеть!

– Да лучше смерть, чем такая скотская жисть! Ни сна, ни отдыха, по четырнадцать часов у станка!..

– Мы ж по-доброму просим...

– Братья и сестры! – волнуясь, продолжил отец Георгий. – Вы уже знаете о том, что в город стянуты войска, что Зимний оцеплен ими со всех сторон и продажные министры и готовые воевать со своим народом, как с врагом, генералы не хотят допустить нас к царю, позволить нам поведать о своих бедах и изложить свои требования. Поэтому все может случиться. Даже самое невероятное, самое страшное... – Он помедлил, переводя дух и подбирая нужные слова, и продолжил, – Солдаты могут применить оружие, даже стрелять. А значит, могут быть жертвы. Готовы ли вы рисковать своими жизнями ради свободы и справедливости?..

– Готовы! – ответила ему многоголосьем толпа.

– Мы не отступим!

– Веди нас, отец Георгий, не сомневайся!

– Чай, мы не трусы!..

– И все же, – продолжил священник, – я советую не рисковать, оставить по домам хотя бы женщин и детей, не брать их с собой. Все может случиться...

– Нет, мы не останемся, не отпустим одних наших мужиков! – в ответ на эти слова дружно зароптали женщины. – Умирать – так вместе, и нам без них, без наших кормильцев, не жисть!

– Да не посмеют солдаты стрелять в баб да малых деток! Ведь не ироды же они! Мы ж с миром, с иконами да с хоругвями идем, а не с дубьем да дрекольем...

– А ты говори, говори дальше, отец!

И отец Георгий продолжил, уже не заглядывая в бумагу, которую держал в руках.

– Братья, вы вправе требовать уважения к вам, к людям труда, ведь вы в поте лица умением своим и радением за матушку Россию создаете ее мощь и богатство. Перед Богом и царем все должны быть равны – и богатые, и бедные, и сильные мира сего, и убогие, и немощные. Я верю, царь не даст нас в обиду, он услышит, поймет и поддержит нас, своих верных ему подданных!

«В таинственно неясных очертаниях развевающейся над толпой рясы, в каждом звуке доносившегося хриплого голоса окружающему очарованному людскому морю казалось, что наступает конец, приближается избавление от чудовищных вековых мучений». Он увидел слезы на глазах многих стоящих у подножия трибуны женщин и стариков. Отец Георгий воздел к небу руку с крестом и осенил им обнаживших головы рабочих.

– С нами Бог и наша правда!

Отец Георгий спустился с трибуны и вместе с Иваном Васильевым и кузнецом Филипповым встал в первом ряду. Колонна колыхнулась и двинулась. Справа и слева от них шли люди с хоругвями, крестами, иконами и портретами императора. Они двигались плотной массой, взявшись за руки. По их просветленным лицам было видно, что всех пронизывает единая энергия, гордое осознание того, что сегодня они сбросили с себя гнет рабской покорности, удивленно и радостно ощутив себя единой силой, способной одолеть все преграды.

– Спаси, Господи, люди твоя... – затянул женский голос где-то в толпе. Ряды подхватили. Сначала неуверенно, неслаженно, затем все стройней, все мощней и вдохновенней пели люди. – ...И благослови достояние Твое, победы православным христианам над сопротивными даруя, и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство...

День был морозный, но, несмотря на сильный холод, почти все участники демонстрации шли с непокрытыми головами, желая тем самым выразить уважение к царю.

По мере приближения к Нарвской заставе толпа все разрасталась, словно ручейки в большую реку, из переулков стекались люди, не только рабочие, но и торговый, служивый и прочий люд. Там и тут вспыхивали огоньки самокруток, поднимались над головами людей сизые табачные дымки. Обсуждали между собой сложившееся положение. Скептики говорили о том, что все напрасно и царь не пойдет ни на какие уступки, против них с горячностью выступали полные надежд оптимисты. Говорили о забастовке и отчаянно ругали заводское начальство, о том, что дома совсем не осталось денег и завтра нечем будет кормить детей. А кто-то просто молился шепотом, то и дело осеняя себя крестным знаменем.

– Разве ж мы не хотим работать! Но ведь сил больше нет... У станка от зари и до зари, а в кассе получать нечего, штрафами замучили. И в кармане – вошь на аркане – как, спрашивается, жить?

– Управы на них нет!..

– Жене, детям в глаза смотреть стыдно!

– Ничего вы от Николашки не добьетесь! – зло сплюнул под ноги тощий, сутулый малый с бледным, испитым лицом и голубовато-белесыми глазами. – Зря время тратите. Свободу только оружием можно завоевать!..

– Ты что тут агитацию разводишь! Что воду мутишь! По роже видать – каторжник! – разом зацыкали на него справа и слева. – А ну-ка вали отседова подобру-поздорову, пока мы тебе шею не намылили!

И вытолкали смутьяна прочь.

В первых рядах колонны шла семья Кузнецовых – муж Илья, жена Мария и семилетняя дочка Полинка, закутанная в серый пуховой платок так, что из него торчали только большие

озорные глазенки да курносый нос. И Илья, и Мария – оба работают на Путиловском. Он в горячем цеху, а она на подсобных работах. Они и не пошли бы, дома дел хватает, да разве можно такой шанс упустить – самого царя живьем повидать. Потому и дочку с собой взяли, хоть и совсем мала еще. Повидать царя-батюшку. Это ж радость-то какая!

– Ну что, не замерзла, Полинка? – то и дело спрашивала, наклоняясь к дочери, Мария.

– Нисколечко не замерзла...

– Далеко ли еще идти? А то вдруг опоздаем. Ведь царь не станет нас долго ждать на таком морозе!

– Уж немного осталось, скоро, скоро придем, доченька... Взял бы ты ее, Илья, на руки. Идешь, даже внимания не обращаешь, словно она и не твоя дочь вовсе! Сердце у тебя каменное!

– И что ты все ворчишь, весь праздник портишь! Эх, лучше бы я вас дома оставил! Вон посмотри – люди как люди, идут – радуются, с песнями, с хоругвями, а ты все причитаешь да причитаешь!

Он наклонился, взял дочку на руки.

– Иди ко мне, моя хорошая...

А отец Георгий шагал все шире, все устремленней.

Он видел светящиеся глаза своих соратников – блуждающую улыбку на раскрасневшемся от мороза лице Филиппова, решительный взгляд Васильева. Видел и радовался этому душевному подъему давно ставших ему близкими, почти родными людей.

Время от времени по пути их шествия к нему подходили возбужденные посланцы отделений «Собрания» в других районах Питера. Они рассказывали о том, как обстоят дела на Шлиссельбургском тракте, близ Троицкого моста, на 4-й линии и Малом проспекте Васильевского острова, у Александровского сада. Всюду многочисленные колонны начали свое движение к Дворцовой площади. По приблизительным подсчетам, общая численность участников демонстрации уже приближалась к ста пятидесяти – двумстам тысячам человек.

К полудню возглавляемая отцом Георгием колонна вышла к Нарвским триумфальным воротам. Еще издали идущие в первых рядах рабочие увидели, что путь им преграждает плотная шеренга солдат. Где-то позади, за их спинами, в морозной дымке высилась серая громада Зимнего дворца.

– Что это?.. Зачем это?.. – то ли с сомнением, то ли с испугом вполголоса пробормотал кто-то из первых рядов.

– Да это так, для порядка... – неуверенно произнес кто-то идущий рядом.

– Ах, Господи!.. – всхлипнула Мария, прижав к себе дочь.

Чем ближе шеренга солдат, тем больше замедляют шаг передние ряды рабочих. А те, кто сзади, не понимая, в чем заминка, продолжают напирать.

– Гренадеры! – то ли восхищенно, то ли с испугом прошептал кто-то.

И вот две шеренги, две молчаливые, настороженные силы замерли. Между ними лишь мост через речку Таракановку.

Отец Георгий осенил крестным знаменем шеренгу солдат и, высоко подняв крест над головой, шагнул вперед. Следом за ним двинулись председатель «Собрания» Васильев с портретом императора в руках и кузнец Филиппов с большой, в серебряном окладе, иконой Богородицы.

Перед серой шеренгой солдат выступил полковник на белом коне.

– Да это ж граф Татищев! – узнал всадника отец Георгий.

– Граф он или князь – все одно, мы для него грязь!.. – напряженно вглядываясь в застывшие лица солдат, сквозь зубы процедил Филиппов. – Нутром чую, сейчас будет жарко. Пустит нам кровушку этот граф.

Между тем полковник, лихо гарцуя на своем породистом скакуне, выхватил из ножен саблю. Стальное лезвие жутко блеснуло в холодном свете дня. Он обернулся к шеренге солдат, коротко выкрикнул что-то. И солдаты дружно вскинули винтовки наизготовку, упершись черными зрочками стволов в толпу.

Коротко звякнули металлом затворы.

– Стой! – угрожающе двинулся офицер в сторону оторопело замершей толпы рабочих. – А ну поворачивай!

– Не имеешь права! Мы к государю нашему с миром идем, нам бы... – начал было председатель «Собрания», но офицер не дал ему договорить.

– К государю?! Я вот те дам – к государю! Ишь чего возомнили! А ну живо расходись по домам!

Толпа зароптала в ответ:

– Не смеешь!

– А ты кто здесь такой, чтоб нам указывать?!

– Нам с царем поговорить надо!

– Да что вы его слушаете! Не станут солдатики в народ стрелять!

– Расступитесь, братцы, нам к царю надо...

– Наболело!

Шаг за шагом колонна медленно продвигалась вперед.

Офицер натянул удила и, зло оскалив зубы и скверно выругавшись, отступил к шеренге солдат.

– Ну вот, давно бы так! – победно хохотнул кто-то. – Пошли, братцы!

В этот миг полковник взмахнул саблей и грянул нестройный залп. Из стволов винтовок вырвались синие дымки. Пронзительно и жутко взвизгнули пули. И тут же – крики и стоны в рядах рабочих. Несколько человек в первых рядах, словно подкошенные, рухнули на заснеженную мостовую.

Отец Георгий с ужасом увидел, как, не выпуская иконы из рук, медленно оседает на снег кузнец Филиппов. Он упал навзничь, широко раскинув руки, а на груди его медленно расплывалось пятно крови, алой струйкой стекая на оледенелую брусчатку мостовой. И еще живые удивленные глаза его устремились в серое январское небо.

– Как же это?.. Зачем?! – пробормотал отец Георгий.

Какая-то женщина склонилась перед кузнецом на колени, приподняла его голову. Но в глазах Филиппова уже нет жизни. Она подняла с мостовой икону, обтерла платком с нее кровь и отчаянно встала рядом со священником.

Толпа рабочих замерла оцепенело, казалось, не веря в то, что произошло.

А тем временем офицер снова взмахнул саблей. И снова раздался залп.

Потом другой... третий...

Люди падали и падали в снег. Передние ряды в панике ринулись назад, сбивая с ног, сминая тех, кто стоял за их спинами. Началась давка. Крики... Стоны...

Вот и Васильев, охнув, упал в снег, так и не выпустив из рук простреленного пулей царского портрета.

Рядом с ним, сраженные пулями, распростерлись тела Марии и ее маленькой Полинки. А над ними, в отчаянии обхватив голову руками, упал на колени Илья.

Залп следовал за залпом. Пороховой дым окутал все вокруг, накрыл лежащих на земле людей. Отовсюду слышались стоны и крики о помощи.

Отец Георгий смотрел, как рассыпается толпа, как продолжают падать убитые и ползут, оставляя за собой страшный кровавый след, раненые...

– Господи! Что же это? За что?! Это же конец... Конец всему...

Но это был еще не конец. Шеренга солдат расступилась, и в образовавшийся просвет ринулась конница. Гренадеры с гиканьем и свистом – сабли наголо! – врезались в разбегающую толпу. Они остервенело, не разбирая, рубили направо и налево – по головам, по плечам и спинам – стариков, женщин, детей. Рубили так, словно это не свои, родные русские люди, а заклятые враги, угрожающие отечеству. А люди кричали, стонали, умирали, падая под копыта лошадей...

Отец Георгий в оцепенении стоял посреди этого кошмара, среди окровавленных тел, не замечая, что продолжают свистеть пули, что правый рукав его рясы почернел от крови. Коварная пуля – царская милость – достала и его.

Он увидел, как офицер поднял руку с револьвером, прицелился, прозвучал выстрел, и совсем рядом с его головой просвистела пуля. Однако он не двинулся с места. Он хотел умереть здесь вместе с теми, кто сейчас лежал без признаков жизни у его ног.

Но офицер не успел сделать второго выстрела. Кто-то дернул отца Георгия за рукав, с силой увлек в близкий переулок. Это был Пинхус Рутенберг, инженер с Путиловского завода.

«Как он здесь оказался? – ненадолго мелькнула мысль. Мелькнула и исчезла. – Какое это имеет значение!..»

– Бежим, бежим скорее отсюда! Здесь смерть... Смерть! – на бегу повторял Рутенберг.

– А как же они, те, кто остался там? Я должен быть с ними и вместе с ними умереть! – выдернул свою руку Гапон.

– Это глупо! – возразил Рутенберг. – Вы должны жить и отомстить за тех, кто лежит теперь на мостовой, кто пал от рук этих палачей!

Их тут же окружили выбежавшие из-под обстрела рабочие.

– Да, да, он прав, вы не должны умереть! Мы вас никуда не отпустим!

– Но как они могли стрелять в своих, в безоружных, мирных людей!

– Это он их послал!

– Он же наш царь, наш отец!

– Кровавый он и есть кровавый!

– А тебе, отец Георгий, до поры прятаться надо. Снимай-ка ты свою рясу. Вот... Поддевку мою одень...

– Да ведь ты, кажись, ранен!..

– Ерунда! – отмахнулся отец Георгий. – Чуть зацепило. Я и не заметил.

Кто-то снял с себя и накинул ему на плечи пальто. Кто-то шапку отдал.

– Надвинь-ка пониже на лоб да ворот подними... Вот так. Чтоб эти ироды тебя не признали. А то ведь тебя теперь будут искать по всему Питеру, а найдут – вмиг упрячут в Петропавловку.

Но отец Георгий все еще никак не мог прийти в себя. Машинально повинуюсь действиям рабочих, он все повторял:

– Я знаю, знаю, вы будете отомщены!..

Если властью, данной Богом, монарх служит дьяволу, то монархия обречена лететь в преисподнюю...

Манифестанты были расстреляны и на других направлениях.

Однако, несмотря на вооруженные кордоны солдат и казаков, на безжалостный разгон и расстрелы демонстрантов, тысячи рабочих со всех концов Петербурга продолжали упорно продираться к центру города, к Дворцовой площади.

– Царя! Царя! – теперь уже неистово, остервенело неслось по толпе.

– Труссы! Японцы вас бьют, так вы на своих решили отыграться, расстреливаете безоружных!..

Внезапно эскадрон кавалергардского полка бросился на толпу. Солдаты рубили людей саблями, избивали нагайками. Один за другим десятки людей замертво падали на залитый кровью снег.

Отец Георгий был полностью оглушен случившимся. Он бежал вместе со всеми – увлекавшим его куда-то Рутенбергом и пятью рабочими, его добровольными охранниками. По пути им то и дело попадались разбегающиеся от расправы люди. Одни обгоняли их, другие бежали навстречу. Но никто не узнавал отца Георгия, длинные волосы которого скрывал поднятый воротник пальто, а низко на глаза был надвинут меховой треух.

– Куда мы бежим? – наконец спросил отец Георгий.

– В надежное место, – прошептал ему на ухо Рутенберг так, чтобы никто из сопровождавших их рабочих не мог его услышать. – Да мы уж почти на месте. Надо бы их отпустить, – кивнул он в сторону добровольных телохранителей, – а то мало ли что... Ведь мы их совсем не знаем.

– Да не предадут они. Это ж наши, путиловские, – возразил отец Георгий, но спорить не стал.

Он остановился, пожал каждому руку.

– Спасибо, братья. Дальше уж мы сами доберемся. А на прощанье скажу: знайте, наша борьба не закончена, она только начинается. Не мы первые начали... Что ж, царь отказался от нас. Так и мы теперь отказываемся от него!

Наконец они добрались до своей цели. Остановившись у подъезда одного из домов, прежде чем открыть дверь, Рутенберг опасливо огляделся по сторонам. Не заметив ничего подозрительного, подтолкнул своего подопечного в глубину подъезда. По гулкой чугунной лестнице они поднялись на второй этаж, и Рутенберг дернул цепочку звонка на одной из дверей. За ней послышались осторожные шаги, звякнули ключи, и на пороге появился крепкого телосложения детина. Он явно был хорошо знаком с Рутенбергом, но на отца Георгия уставился подозрительно.

– А... Пинхус Моисеевич!.. – протянул он Рутенбергу руку. – А кого это вы с собой привели? Что-то лица не припомню...

– Это отец Георгий. Георгий Апполонович Гапон-Новых, идейный вдохновитель «Собрания русских фабрично-заводских рабочих», организовавший и возглавивший нынешнее шествие рабочих...

– Отец Георгий! Неужели это вы!.. – ахнул детина, сразу потеплев в лице. – Так проходите, проходите же скорее! – и отступил, приглашая их войти.

Закрыв за пришедшими дверь, он помог им раздеться, все время приговаривая:

– Ах, беда! Ах, беда!.. Как же это, а?

– Тимофей! Кто там пришел? – послышался из комнаты мужской голос.

Вместо ответа человек, открывший им дверь, подтолкнул пришедших в гостиную.

Отец Георгий вошел первым. Его знобило. То ли от давней простуды, то ли с мороза, то ли от пережитых событий дня.

Не вставая со своего места за письменным столом, видимо, только что оторвавшись от испанского листа бумаги, с «вечным» пером в руке, к ним обернулся человек с густой гривой откинутых назад волос, широким лбом и богатыми усами.

– Неужели отец Георгий? Герой дня! – вдруг воскликнул хозяин квартиры. Порывисто вскочив со своего кресла и широко раскинув руки, он шагнул навстречу неожиданным гостям.

– Слава богу, живой! А с рукой-то что?..

Отец Георгий тоже узнал так радушно встретившего его человека. Это был Алексей Максимович Пешков, известный писатель, подписывающий свои произведения псевдонимом Максим Горький. Отец Георгий, конечно, читал его романы и повести, которыми зачитывался в

то время весь Петербург. Пешков писал ярко, убедительно, со знанием жизни и пониманием души русского человека. Отец Георгий знал, что и сам Пешков был не из графьев, вышел из народа и на собственной шкуре, во время своих многолетних скитаний по России, испытал все тяготы и лишения простых людей.

– Алексей Максимович... Прости, что я живой!.. – только и произнес он, едва сдерживая слезы.

– Нет, нет, что вы, батюшка! – обнял его Горький. – Вы сделали все, что могли, и вы теперь особенно нужны рабочим и нам всем. Вина за то, что произошло, лежит на Николашке и его прихвостнях министрах. Страшная, неискупимая вина!

И не надо отчаиваться, мы еще покажем им неодолимую силу русского духа! – При этих словах он погрозил своим крепким кулаком кому-то за окном. – Я ведь тоже был вместе с рабочими у Троицкого моста. Все видел, все перестрадал вместе с ними и все понял. Хватит просить милостыню!..

Да что это я! Вы же пришли совсем холодные и голодные, так что перво-наперво надо отогреться, подкрепить силы. А ну-ка, Федор, для начала обработай рану батюшке, перевяжи, а потом приготовь перекусить чего-нибудь горяченького! И по лафитничку «Смирновской» не забудь налить – это им сейчас будет очень кстати... А я, вы уж извините великодушно, пока допишу то, что начал по следам этих мерзких событий.

Они не стали возражать, а когда, перекусив, вернулись, застали Горького стоящим у окна с листами только что исписанной бумаги и что-то бормочущим себе под нос.

– Ага, пришли! Ну, тогда послушайте, что у меня получилось.

И начал читать.

Это было обращение к российскому обществу, в котором он писал, что расстрел мирной демонстрации – преступление царизма и что пролитая 9 января кровь вызывает к отмщению.

Вскоре Рутенберг откланялся и ушел.

– Встретимся вечером, – коротко бросил он Горькому уже в дверях.

А отец Георгий остался. Идти ему было некуда. Дома наверняка его уже поджидала полиция.

– Теперь, – взяв его за плечо, мягко, но властно произнес Алексей Максимович, – вам непременно надо хоть пару часиков отдохнуть. Вечером вместе поедем на Невский. Там в Вольно-экономическом обществе намечено собрание либеральной интеллигенции. Я тоже обещал там быть. И вам непременно надо выступить со своим словом. Только, конечно, инкогнито. Признаться, народец там хлипкий, мятущийся, ненадежный. Да что с них взять – либералы! Но и они теперь могут быть нам полезны. И Рутенберг тоже придет... Кстати, давно вы с ним знакомы?

– Да нет, с месяц назад появился в «Собрании». Рабочие его поначалу не приняли, не нашего, говорят, поля ягода. Зачем он нам? Но я их уговорил. Пусть, говорю, приходит, с нас не убудет, хоть он и не из рабочих.

– Не знаю... Мне он что-то не по душе. Верно говорили рабочие, у них чутье, не нашей он крови. И вообще... себе на уме... Ну да ладно, время покажет... Так, я говорю, идите вздремните чуток...

Но уснуть отец Георгий так и не смог. Долго лежал и глядел в потолок, перед глазами вновь проносились леденящие кровь картины минувшего дня. В груди клокотала ненависть и боль, а в голове уже роились мысли о том, что же теперь делать, как жить дальше после того, что произошло. Так пролежав около часа, наконец не выдержал и встал. Осторожно ступая, чтобы никого не тревожить, подошел к старенькому бюро у окна, отыскал лист бумаги, карандаш и начал писать.

«Родные товарищи-рабочие! Итак, у нас больше нет царя! Неповинная кровь легла между ним и народом. Да здравствует же начало народной борьбы за свободу! Благословляю вас всех...»

Прочитав написанное, отец Георгий задумался, почему-то вдруг вспомнилось далекое прошлое.

Он заканчивал учебу в Полтавской духовной семинарии, когда судьба свела его с замечательной девушкой. Звали ее Любонька. Очень скоро они полюбили друг друга. Сыграли свадьбу, и вскорости новоиспеченный священник приступил к службе в церкви Всех Святых. Так Георгий Аполлонович стал отцом Георгием.

Постижению глубин православного христианского вероучения, молитвам, служению прихожанам церкви он отдавался всецело и неистово.

– Ты знаешь, Любонька, – не раз говорил он жене, – здесь я понял свое предназначение, оно в беззаветном служении Богу и людям, тем убогим и сирым, кому уже не от кого ждать помощи.

Эти годы, наверно, были самыми счастливыми и безмятежными в его жизни. Жена понимала его как никто другой и во всех его начинаниях помогала, как только могла. И это сплачивало их, давало возможность их любви материализоваться в конкретных делах, разгораться еще сильнее.

Очень скоро у них родилась дочь, милая черноволосая девчушка, вся в отца. Назвали ее Машенькой – Марией. Она росла здоровой и спокойной девочкой. А через два года на свет появился и сын Алеша.

Казалось, ничто не могло разрушить их счастливой жизни. Но случилась беда. Вскоре после рождения сына его Любонька заболела и как, ни бились врачи, как ни молился за жену отец Георгий, отошла в мир иной.

Остаться в этом городе он был не в силах. И молодой священник уезжает в столицу, поступает в Санкт-Петербургскую духовную академию.

Еще во время учебы в академии отец Георгий получил известность и признание как талантливый проповедник и воспитатель. Патриархия оценила его способности и рвение. Его назначают священником и настоятелем церкви Приюта Синего Креста и одновременно законоучителем Приюта трудолюбия Святой Ольги.

Маленькие обитатели приютов души не чаяли в новом проповеднике, у которого для каждого находилось доброе слово. Его проповеди получили такую широкую известность, что на них собирались люди со всей округи, причем самых беднейших сословий. Потому что отец Георгий искал и находил тайные, сокровенные тропки к душе каждого человека, не гнушаясь приходить в гости к беднякам в самые глухие трущобы. Переодевшись в лохмотья, чтобы не привлекать к себе внимания, он посещал ночлежки и работные дома, чтобы лучше понять жизнь людей самого дна.

Насмотревшись там всякого, он загорелся идеей создания организации, основной целью которой стало бы улучшение жизни рабочих. И вот его стараниями в апреле 1904 года на Выборгской стороне состоялось открытие «Собрания русских фабрично-заводских рабочих города Петербурга». Так у отца Георгия появилась организация, развитие которой станет делом всей его жизни. Он привлек к работе в ней ученых, специалистов по истории, культуре, экономическим проблемам, географии, геологии, политике.

По его задумке, со временем «Собранию» предстояло объединить не только рабочих, но и всю здоровую часть российского общества для противодействия донельзя расплодившимся в последние годы группировкам всяческих экстремистов, террористов-бомбистов, анархистов, социал-демократов и прочих, по его мнению, разрушающих устои государства Российского.

Отец Георгий видел свой долг в том, чтобы вырвать рабочих из лап этих смутьянов. Но для этого нужно, чтобы сама власть встала на сторону рабочих в борьбе за их экономические нужды, борьбе, которая на самом деле является борьбой за существование не только их, рабочих, но и самого государства. Но власть не оценила его трудов, его добрых помыслов.

«Как мы переоценивали ее! – с горечью подумал отец Георгий. – Как мы ошиблись в своем монархе и как дорого заплатили за эту ошибку сегодня!..»

– Это что же, батенька, я вижу, что вы так и не уснули! – прервал его воспоминания незаметно вошедший в комнату Алексей Максимович. – И напрасно. А теперь уж нам пора ехать. Внизу извозчик ждет. Только сначала... Вот... – Он протянул отцу Георгию пакет.

– Что это?

– Здесь другая одежда для вас на этот вечер – студенческая форма. Вы так молодо выглядите, что за студента вполне сойдете. Федор где-то разыскал эту одежонку. Так что надо переодеться, так будет безопасней, я думаю, и бороду хорошо бы сбрить, чтоб, не дай бог, кто-нибудь не узнал. Вас ведь теперь наверняка полиция разыскивает по всему городу.

– Да, да... Конечно, вы правы... Я сейчас... – заторопился отец Георгий.

К тому времени, когда они вышли на улицу, уже совсем стемнело. Извозчик, подняв воротник своего тулупа и надвинув на самые глаза шапку, дремал, сидя на козлах своего экипажа. Видно, совсем заждался, замерз.

– Хватит спать, любезный, пора ехать! – окликнул его Горький.

Старик извозчик радостно ощерился беззубым ртом.

– Куды изволите, господа хорошие? – услужливо встрепенулся он, вскочив с козел и отряхивая снег с полости экипажа.

– На Московский проезд, – пояснил Горький. – Только давай поспешай, а то мы уже изрядно опаздываем.

– Не извольте беспокоиться, мигом долетим! – сделал широкий приглашающий жест извозчик и, кряхтя, взгромоздился на козлы. Дернул за поводья, взмахнул кнутом, и застоявшиеся лошаденки нехотя тронулись.

– Но-о, милай! А ну-ка поддай жару!..

Однако мигом долететь не получилось. То и дело приходилось останавливаться, то уступая дорогу колонне солдат, то пропуская печальные процессии фургонов с убитыми и ранеными. Над городом нависла зловещая тишина, нарушаемая лишь цоканьем копыт, окриками извозчиков да редкими свистками полицейских.

К началу собрания они, конечно, опоздали. Когда наконец вошли в заполненный до отказа зал, с кафедры вещал о событиях минувшего дня, о необходимости объединяться и переходить к решительным действиям, к политической борьбе невысокий пухленький человек с одутловатым лицом и коротко стриженными волосами.

– Это Новиков, публицист, – шепотом пояснил Горький, увлекая за собой на свободные места в последнем ряду отца Георгия.

Новиков с высоты кафедры сразу их приметил, в приветствии кивнул головой Алексею Максимовичу.

– Вот и наш великий русский писатель Максим Горький здесь с нами! – картинно распростер он руки в зал. – Милости просим, Алексей Максимович!

Все разом завертели головами – кудрявыми, лысыми, с набриолиненными проборами и бобриком, заблестели стеклышками очков и пенсне.

– Где, где он? Где?

– Да вон же, вон!

– А кто это с ним?

– Не знаю, по виду какой-то студентик.

– И зачем он его приволок? Здесь ведь люди серьезные собрались...

Один за другим на кафедру поднимались ораторы. Они рассказывали о том, что своими глазами видели в разных частях города. Наконец ведущий предоставил слово Горькому.

– Господа! – начал тот, едва взойдя на кафедру. – Кровь безвинных людей – мужчин и женщин, стариков и детей – на руках царских палачей. Ею теперь забрызган и сам царский престол. И эта кровь взывает к отмщению!

На этих словах зал взорвался аплодисментами и возмущенными выкриками:

– И мы отомстим!

– Нет прощения убийцам!

– Теперь не время для бесплодных стенаний, – продолжил Горький. – Сегодня рабочие, обманутые в своей вере в царя, прозрели, доказав, что они умеют бесстрашно умирать, но они были безоружны, а без оружия невозможно противостоять пулям и штыкам. Поэтому теперь настало другое время – время силы...

– Ну, как? – спросил Горький отца Георгия, вернувшись на свое место рядом с ним.

– Не знаю... – неуверенно произнес отец Георгий. – Я все же остаюсь при мнении, что вера и любовь сильнее ненависти и насилия...

После трудов праведных на благо отечества император уже собирался на боковую. Но по давно заведенному и неукоснительно соблюдаемому правилу перед сном открыл свой заветный дневничок. Что же запишет он в нем в этот роковой для страны день, как отразилась в его душе эта трагедия?

«9 января. Воскресенье.

Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело! Мама приехала к нам из города прямо к обеду. Завтракали со всеми. Гулял с Мишей. Мама осталась у нас на ночь».

И все!

«Тяжелый день» – и только!

И это в день, когда по его высочайшей воле были убиты сотни, ранены тысячи, исполосованы казачьими нагайками и потоптаны копытами лошадей десятки тысяч мирных граждан, повинных лишь в том, что они хотели увидеться – глаза в глаза – со своим «батюшкой-царем», выплакаться ему о своих бедах и несчастьях и испросить высочайшей защиты!

«Войска должны были стрелять в разных местах города, – холодно констатирует “батюшка-царь”, – вследствие желания рабочих дойти до Зимнего». – Да не до Зимнего они хотели дойти, а до сердца твоего достучаться! До сердца, которого, как оказалось, у тебя нет. Ведь будь у тебя сердце, ты не смог бы как ни в чем не бывало «завтракать со всеми» и «гулять с Мишей» в то самое время, когда на улицах и площадях Петербурга солдаты по твоей воле или по твоему безволию и трусости расстреливают в упор создающих твои богатства и обеспечивающих благосостояние твоей страны и твоей семьи рабочих, их не видавших радостей жизни жен и матерей, их худосочных, вечно недоедающих детишек, благоговейно, сняв шапки, несущих твои портреты вместе с иконами святых и церковными хоругвями. А когда вместе с прибывшей из Питера мамá ты стоял в храме у обедни, не проклинал ли мысленно священник царя-убийцу?..

Не только простой народ, но даже многие приближенные ко двору чиновники, честные генералы и аристократы осудили Николая за его нежелание выслушать народ, за трусость.

А на следующий день Ники и совсем успокоился, вернулся к своей обычной размеренной жизни, в свое болото недалекого, коронованного случая обывателя. Вот что он сам, по обыкновению, пишет об этом в своем дневнике.

«10 января. Понедельник.

Сегодня особых происшествий в городе не было. Были доклады. Завтракал дядя Алексей. Принял депутацию уральских казаков, приехавших с икрою. Гулял. Пили чай у мамы. Для объединения действий по прекращению беспорядков в Петербурге решил назначить ген-ла Трепова генерал-губернатором столицы и губернии. Вечером у меня состоялось совещание по этому поводу с ним, Мирским и Гессе».

И в тот же день бывший московский обер-полицмейстер Трепов, прославившийся своей тупой необузданной жестокостью в борьбе со всякого рода инакомыслием в Москве, росчерком высочайшего пера был назначен генерал-губернатором Петербурга. В его руках сосредоточилась вся военная и гражданская власть в северной столице.

Сам же Ники решил из своей резиденции в Царском на всякий случай носу не высовывать. Мало ли что!.. Как говорится, береженого и Бог бережет...

Сразу же по вступлении в должность новый генерал-губернатор начал закручивать гайки. В домах и на квартирах выявленных участников демонстрации были произведены обыски, и многих арестовали. Однако репрессии – это хорошо, это будоражит кровь, вселяет веру в собственные силы, но как утихомирить начавшиеся массовые волнения среди рабочих?

И министр финансов Коковцев придумал, как ему казалось, отличный ход. Надо натравить одних рабочих, тех, кто хочет работать, на других, саботажников, забастовщиков, смутьянов и бунтовщиков. Надо столкнуть их лбами. А для этого нужно... А для этого нужно... И он предложил Ники свой план.

Ники план одобрил.

На следующий день в приемной генерал-губернатора толпились заводчики и фабриканты – хозяева крупнейших питерских предприятий.

Волновались, потели, вытирали носовыми платками вспотевшие лбы.

– Что такое?..

– Зачем это?..

– По какому такому поводу собрал нас всех здесь новый генерал-губернатор? Чем это мы провинились?

– Ох, не к добру это!

– Уж не хочет ли господин Трепов заставить нас в ущерб себе пойти на уступки этим распоясавшимся смутьянам?!

– Да не может быть, он не покажет свою слабинку, он не из таковских, он быстро отобьет у них охоту бунтовать!..

Все их опасения оказались напрасными. Очень скоро стало понятно, что вызваны они совсем по другому поводу.

– Господа! – несколько высокопарно и свысока, очевидно, на первых порах упиваясь свалившейся на него властью и неожиданной близостью к самому императору, обратился Трепов к приглашенным. – Государь император, будучи возмущен событиями, на днях имевшими место в нашем городе, и учиненными бунтовщиками беспорядками, тем не менее изъявил добрую волю встретиться с лучшими представителями ваших фабричных работников, с теми, для кого долг перед отечеством, рабочая гордость, вера и любовь к помазаннику Божьему не пустые слова, а смысл жизни. Так что...

Так что на вас, господа, легла ответственнейшая задача – отобрать для этой встречи – только представьте себе, беседы с самим государем императором! – самых надежных, самых лояльных, самых преданных трону рабочих.

И прошу вас не тянуть. Времени нет. Завтра у меня на столе должны лежать списки рекомендованных вами лиц с исчерпывающей характеристикой на каждого. А уж мои люди после тщательной проверки представят мне на утверждение окончательный состав депутации.

Через несколько дней депутация рабочих в составе тридцати четырех человек была направлена в Зимний дворец, откуда, в сопровождении полицейских, без каких-либо объяснений, их экстренным поездом отправили в Царское.

И только здесь, уже в Александровском дворце, Трепов наконец объяснил, что им предстоит встреча с самим государем императором.

Молча, в томительном ожидании переминаясь с ноги на ногу, довольно долго стояли рабочие посреди бесстыдной роскоши, блистающей золотом отделки и сверкающей хрусталем пудовых люстр залы.

Наконец в сопровождении свиты появился император.

Следом за ним, вздернув подбородок, торжественно вышагивали министр финансов Коковцев, министр двора Фридерикс и несколько генералов в богатых парадных мундирах.

То ли из опасения, то ли из брезгливости царь остановился на довольно почтительном расстоянии от рабочих. Коковцев сунул в его руку бумажку с текстом, и Ники, почти не отрывая от нее глаз и спотыкаясь чуть ли не на каждой фразе, начал зачитывать ее вслух:

«Я вызвал вас для того, чтобы вы могли лично от меня услышать слово мое и непосредственно передать его вашим товарищам.

Прискорбные события с печальными, но неизбежными последствиями смуты произошли оттого, что вы дали себя вовлечь в заблуждение и обман изменниками и врагами нашей родины.

Приглашая вас идти подавать мне прошение о нуждах ваших, они поднимали вас на бунт против меня и моего правительства, насильственно отрывая вас от честного труда в такое время, когда все истинно русские люди должны дружно и не покладая рук работать на одоление нашего упорного внешнего врага.

Стачки и мятежные сборища только возбуждают безработную толпу к таким беспорядкам, которые всегда заставляли и будут заставлять власти прибегать к военной силе, а это неизбежно вызывает и неповинные жертвы.

Знаю, что нелегка жизнь рабочего. Многого надо улучшить и упорядочить, но имейте терпение. Вы сами по совести понимаете, что следует быть справедливым и к вашим хозяевам и считаться с условиями нашей промышленности. Но мятежную толпою заявлять мне о своих нуждах – преступно.

В попечениях моих о рабочих людях озабочусь, чтобы все возможное к улучшению быта их было сделано и чтобы обеспечить им впредь законные пути для выяснения назревших их нужд. Я верю в честные чувства рабочих людей и в непоколебимую преданность их мне, а потому прощаю им вину их.

Теперь возвращайтесь к мирному труду вашему, благословясь, принимайтесь за дело вместе с вашими товарищами, и да будет Бог вам в помощь».

На этом текст закончился.

Ники помолчал, вертя в руках уже не нужную бумажку, и вдруг продолжил, глядя куда-то поверх голов стоявших перед ним рабочих, судя по всему, совершенно неожиданно для сопровождавшей его свиты.

– ... Вот вы, я слышал, требуете восьмичасового рабочего дня, но что вы будете делать со свободным временем, если станете работать так мало?

Я, царь, и то тружусь по девять часов в день. А ведь моя работа гораздо напряженнее вашей, ибо вы работаете только для себя, а я – для вас всех. К тому же, если у вас будет много свободного времени, то, чего доброго, полезете заниматься политикой. Но, скажу прямо, я этого не потерплю!

Вашей единственной целью должна быть ваша работа. И не вздумайте мне возражать! – с внезапным раздражением заключил он и даже при этом притопнул ногой в начищенном до зеркального блеска сапоге.

– Вот и все, что я хотел вам сегодня сказать. А теперь идите, я распорядился, чтобы вас накормили. И даже... – он заговорщицки щелкнул пальцами по своей шее, – ...слегка напоили. Ведь, как я понимаю, вам сегодня уже на работу не идти... Я бы и сам к вам с удовольствием присоединился. да не могу. Дела!..

В сопровождении двух офицеров рабочих препроводили в церковную трапезную и накормили сытным обедом.

«В меню были жирные щи и разварная рыба, куры, а также водка и пиво в количестве двадцати бутылок. А под конец еще и чай со сливками».

За обедом все подавленно молчали. Только кто-то самый отчаянный, неумело подняв налитый до краев хрустальный фужер водки, не выдержал, брякнул:

– За царя-батюшку! Сперва расстреливает, а опосля прощает. Вот здорово!

Но на него тут же зацыкали.

– Да помолчи ты, терпежу у тебя нет, что ли? Кругом уши!..

Портсмутский позор

Позорная сдача Порт-Артура решающим образом изменила военную ситуацию в пользу Японии. Теперь ей гораздо большие силы можно было сосредоточить в Маньчжурии, ведь уже не нужно было воевать на два фронта. Воодушевленные победами на море и взятием Порт-Артура, отдохнувшие и переформировавшиеся войска Страны Восходящего Солнца теперь сражались с удвоенной энергией.

Потеряв в боях под Ляояном более двадцати тысяч солдат, русские вынуждены были отступить. Но это было еще не все. Стратегический просчет генерала Куропаткина привел к тому, что и здесь, на новых позициях, у реки Шахэ, его армия потеряла еще более семидесяти тысяч человек.

И далее поражение следовало за поражением.

С февраля по март 1905 года произошло самое крупное сражение Русско-японской войны – Мукденское. Русские войска, окруженные японской армией, попали в «мешок», потеряв почти шестьдесят тысяч убитыми и ранеными. Тридцать пять тысяч русских солдат оказались в японском плену.

Сводки с фронтов были одна хуже другой. Однако Ники ни в коем случае не хотел идти на переговоры с японцами о мире. Он все еще надеялся на то, что противник вот-вот выдохнется, и тогда... Но противник почему-то никак не выдыхался, а наносил один сокрушительный удар за другим.

– Мы должны во что бы то ни стало переломить ситуацию! – метал громы и молнии Ники на очередном военном совете.

– В сложившейся на данный момент ситуации это очень трудно, практически невозможно сделать, – робко возражал великий князь Николай Николаевич. – Мы воюем на пределе наших возможностей. Слишком уж удален от Центральной России театр военных действий, чересчур дорого обходится нам эта война, намного дороже, чем японцам. Я полагаю, что для обеспечения превосходства нам необходимо максимально затянуть боевые действия, измотать противника. Я уверен, Япония не продержится долго. И материальные, и военные, и людские ресурсы у нее уже на исходе. Но и нам для затяжной войны потребуются огромные средства – как минимум миллиард рублей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.